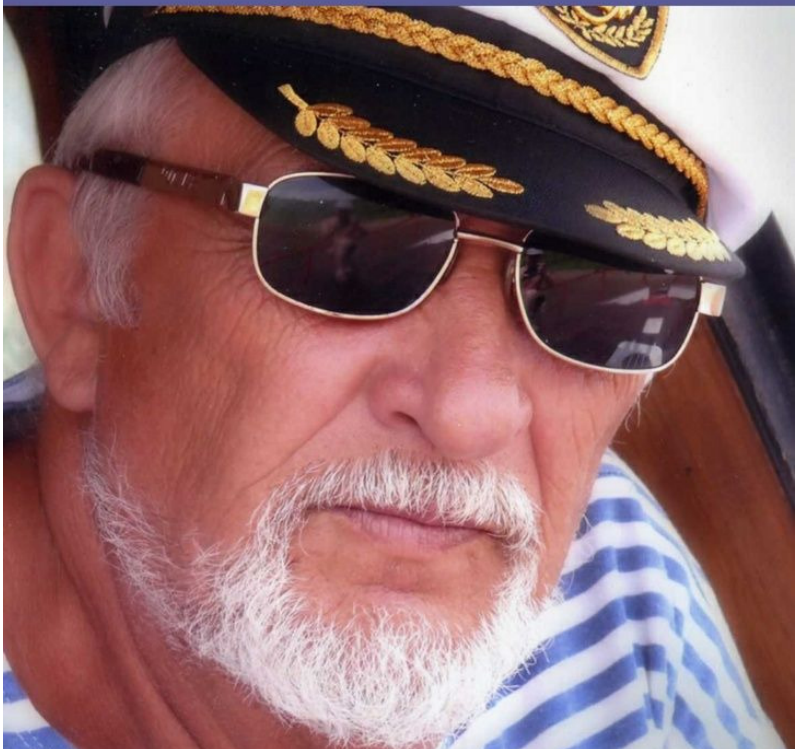
18+

Владимир Гамаюн

Рассказы. Повести. Эссе

Книга вторая. Жизненный экстрим

Владимир Гамаюн

Рассказы. Повести. Эссе. Книга вторая. Жизненный экстрим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22758230
ISBN 9785448345654

Аннотация

Гамаю́н – в славянской мифологии вещая птица, поющая людям божественные песни и предвещающая будущее тем, кто умеет слышать тайное. Гамаюн знает всё на свете. Когда Гамаюн летит с восхода, приходит смертоносная буря. Птица Гамаюн считается созданием с особым даром – ей доступны все скрытые знания обо всем, обо всех живых существах. По преданию, эта птица является посланницей бога Велеса. Каждый, кто услышит крик Гамаюна, обретет счастье. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Якутия. Саха. Вступление	7
Якутский аэропорт. Аллах-Юнь	8
Таёжная заимка	11
Якутская тайга. Сенокос	15
Таёжные науки. Благодать природы	21
«Банкет» на заимке	24
Гости нашего становища	26
Печально, летально, фатально, но факт!	30
Не вынес, «Боливар» двоих	32
Немного об охоте	35
Горностай	44
Ванькин «квартирант»	48
Сновидение, воспоминание	51
И обратного адреса не давай!	58
Грабёж по-сангарски	63
Якут, олени	69
Гоп-стоп по-якутски	71
И носило меня как осенний листок. Лихие девяностые. Золото разведка	73
Сам лезу в капкан	78
Старатели-искатели	80
Кок по неволе	85
Проклинаю тот день и час	88

Аборигены, борзее хохлов 90
Смерть Юры и мой отъезд 92
Дорога, расчёт, дорога 97
Старательская зона 99
Сволота. Хочу в бандиты, но на время 101
Старатели, п. «Ерофей Палыч» 103
Об артели, быте, отношениях 106
Второй старательский сезон 111
Украинцы, хохлы, бандеровцы 114
«Подарок» от собак 117
Лососи – ммм! 121
Поезда, отдушина в мир 125
Паровоз, вестник из прошлого 127
Третий сезон полный, крах! 129
Бандеровцы – верные холопы Гейропы 130
Грабят, суки, мужиков, грабят! 132
«Чужая баба», вкуснотища?? 134
Поездная «торговка всем» 137
«Добрый дяденька» 139
«Вредные советы» 142
Старатель Вася из Алдана 145
Старатель по жизни, Мыкола «Седой» 149
Как всё непросто в жизни этой 157
Артель «Напрасный труд» 159
Осенняя тайга, какая красота 162
Панихида по природе 163

Пьём и ждём. Ждём и опять пьём 164
Разгул девяностых, безвластие 166
«Нашествие»? Страх 169
Прибытие «Лайнера». Уррра! 172
Повесть о Левке. 174
Мой друг, романтик и мечтатель 177
Грусть об уходящей молодости 179
Неудавшийся «наёмник» 184
Отпускная исповедь Бонифация. Часть 2 187
Конец ознакомительного фрагмента. 192

Рассказы. Повести. Эссе
Книга вторая.
Жизненный экстрим
Владимир Гамаюн

© Владимир Гамаюн, 2017

ISBN 978-5-4483-4565-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Якутия. Саха. Вступление

Не нужно, господа, ехать в Швейцарию за красотами природы и воздухом, который можно пить. Не нужно где-то искать величия, оно в бескрайних просторах Якутской тайги и тундры, а наши реки и озёра затмят своей голубизной и богатством рыбных запасов все, вместе взятые, водоёмы мира. Якутские недра хранят столько богатств, что все государства мира кажутся нищими перед нашей природной казной, а на территории Якутии уместится не одно Европейское государство. Но у нас нет мании величия, у нас есть только осознание своей силы и мощи. Смотрите на нас, господа, с загребущими руками, толька издаля, но лучше не суйтесь, ну разве что с открытой рукой, чистыми помыслами, с дружбой.

Якутский аэропорт. Аллах-Юнь

1972 год. После службы в ВМФ, проработав на гражданке в качестве монтажника металлоконструкций около года, я, наконец, понял, что это не моё. В результате этого озарения, плюнув с высоты (на которой работал) в последний раз, я уволился и подался на севера, где, как мне сказали сведущие люди: «Ах, как интересно, и червонцы на кустах растут». Ну а где наша не пропадала?! И вот мы с корешем, с земляком уже болтаемся в аэропорту Якутска. Оба мы в первый раз на Крайнем Севере и ещё не знаем, что это такое и с чем его едят. Новичок на Севере, по Джеку Лондону, это «Чечако». Это как раз то, кем или чем мы сейчас и являемся. На флоте сказали бы: «Салаги, зелень подкильная, караси». Оба мы служили в ВМФ по три года, ДМБ встретили в 1971 году. Прождав три месяца вызова из китобойной флотилии «Юрий Долгорукий», я вынужден был устроиться на работу, и когда пришло извещение из Калининграда, что мне открыта виза загранплавания, я к тому времени похоронил свою мечту о китобоях и «заболел» Севером. А то, что это болезнь, я убеждался в течение двадцати лет добровольной ссылки.

Не знал я тогда, что мне придется пройти через многие испытания, которые могут только явиться в ночных кошмарах. У каждого человека есть свой ангел-хранитель, есть он

и у меня. Сколько раз я был на волосок, казалось бы, от неизбежного конца, но оказывалось, что не в этот раз и не в этом месте. Поживу еще! Мои северные двадцать лет еще впереди, а пока мы сидим в аэропорту Якутска, пьем пиво, и как слепые кутята не знаем, куда мордой ткнуться.

Тут подсаживается к нам мужичок с папочкой под мышкой, сам тоже с пивом. Поет нам песню: «Хорошие вы ребята, на таких, как вы, весь Север держится». Угостил он нас ещё пивком, а потом и водочкой, у нас головки и закружились – вот мы какие. Как потом оказалось, это был охотник за головами, то есть вербовщик с прииска «Инныкчан», посулил он нам златые горы, а мы и уши развесили. Нам к тому моменту уже было совершенно по херу, куда ехать, куда лететь, что делать, то ли готовых оттаскивать, то ли живых подтаскивать. Забрал этот деятель у нас паспорта, а через часок принес авиабилеты до Югарёнка и аванс, потом дал нам подписать какую-то бумагу. Дело сделано! Мы не рабы, рабы не мы!

Объявили вылет, грузимся на старенький, поршневой ИЛ-14 полярной авиации. Взлетаем, летим над Леной, озерами, болотами, тайгой. Вид изумительный! Второй раз видим Якутию с воздуха. Над горами пошла болтанка как на море: из выхлопных труб, двигателей пламя по полметра, даже днём видно, и, кажется, что вот-вот загоримся и рухнем на скалы. Это сейчас я знаю, что ИЛ-14 и АН-2 – самые надежные самолеты по северам, альтернативы им нет до сих

пор. Но в ту пору очко играло с непривычки. В Югарёнке нас встретили приисковые шныри, довезли нас до места. В общагу определили, но, как оказалось, совсем ненадолго. Переночевали с клопами, утром пришел «некто» и популярно нам объяснил, что хотя мы и находимся на прииске, где золото находится везде и даже вот сейчас под нами, мы к нему никакого отношения не имели и иметь не будем. Нам же предстояло ехать на еще более ответственный участок, чем золото. На сенокос! В подсобном хозяйстве прииска буренки срочно нуждались в зеленых витаминах, дабы не упал суточный привес бычков и не снизились показатели жирности по удою у коров.

Небольшое отступление. Прииск работает с 1937 года. Всё, что можно за это время перемыли, и драги работали уже на улицах. Весь посёлок стоял на золоте, самородки находили и в огородах. Дома стали переносить на уже промытые и рекультивированные земли. Это всё нам стало известно из местных источников. Так было и в других поселках: Солнечный, Брындакит. Это всё рядом и всё это «Джугджурзолото». (Джугджурский перевал, это необыкновенной красоты снежные горы, с ещё более необыкновенными запасами полезных ископаемых, и золото, не самый дорогой металл добываемый в тех горах и предгорьях. Если бы я сам не работал в тех чудных местах, я бы обязательно побывал там, просто туристом, это незабываемо и не идёт ни в какое сравнение с любыми «забугорными» курортами.

Таёжная заимка

На другой день нас, несостоявшихся старателей погрузли в грузовик и повезли по каким-то перевалам, через какие-то ручьи и речушки, пока не свернули с грунтовки в глухую тайгу. Через час езды по заросшей травой и кустами фронтовой дороге доехали до реки, не очень широкой, но бурной. Это был Аллах-Юнь, приток Алдана, берущий начало в горах Джугджура. Ну, ладно, вроде бы прибыли. Покричали, посвистели в сторону другого берега, и вскоре оттуда срывается «Казанка» под мотором с толстой, небритой личностью на борту. Вместо «здрасте» вам, слышим рык: «Похмелиться есть?»

У нас было, слава Богу, догадались затариться. Как оказалось, это был наш прямой начальник, босс. Врезав из горла сразу полпузыря, он опять дергает мотор и мчит нас к другому берегу, где мы видим человек пять мужиков и кучу собак ростом с теленка. Изъяв у нас остальную водку, он объяснил очень просто: «Вы не болеете и вам она ни к чему, а мне это в самый раз, вот когда будете болеть, как я, вот тогда-то и я вас подлечу». Очень душевно опохмелившись, он критически оглядел нас, крякнул и задумался. Мы были одеты, мягко говоря, совсем не для тайги, болот, гнуса. Но кто бы знал, куда нас судьба занесет!?

На другой день нас переодели: дали сапоги-болотники

и куртки, штаны подобрали, сетки от гнуса вручили, но самое главное – нам дали оружие, объяснив, что если с тобой нет собак, то даже в туалет за кустики иди с заряженным ружьем. Да, начало было многообещающее. К нам на прииске прибился ещё один парнишка, и теперь нас было трое «Чечако». Вовка и Толька облюбовали себе горизонталки 16 и 12 калибра, я же взял себе одностволку 32 калибра. Это была старенькая «бердана» с затвором как у карабина, но это было лёгкое, зверовое ружье. Я знал, что выбирал.

Вся эта благодать исходила только от одного человека, Пашки. Думаю, что большую роль сыграло и то, что мы безропотно отдали им спиртное. Начальнику и Пашке пришлось по душе наше угощение. Пашка начальнику не подчинялся, он был егерем той богатой глухомани и главным поставщиком дичи и пушнины для директора прииска. Без его разрешения никто не имел права там охотиться. Пашка был бирюком и кроме охоты и рыбалки, его ничто в жизни не интересовало. Жил он на Аллах-Юне уже бог знает сколько лет, имел целый арсенал оружия, сотни капканов, свои путики в тайге, зимовья. Но главное Пашкино богатство – это были собаки, порода, выведенная из многих поколений лаек, с примесью волка. Они шли на соболя, белку, горностая, на любую птицу: глухаря, косача, рябчика. Доставали утку, держали за гачи и медведя. На волка любая из них шла один на один. Человека не трогали, пока Пашка бровью не поведет. Псы хозяина любили, он был для них другом и их соба-

чьим богом, они знали, что пока он их не накормит, сам есть не будет. И что самое главное – он был их вожаком, а без вожака нет стаи.

По Северу из аборигенов мало кто кормит собак, они сами должны «мышковать», добывать евражек, леммингов, в тайге хорошей собаке всегда пожрать найдется. Охотничья собака не должна быть с туго набитым брюхом, еду нужно заслужить. Четыре избушки и старая конюшня стояли на берегу реки. В одной самой просторной обитал сам босс (десятник), другая была как небольшой барак – это для сезонников. В третьей проживал старый бандеровец, оттянувший «четвертак» лагерей от звона до звонка. В четвертой избе проживал якут Петруха с женой-эвенкой Полиной, ну а семеро ребятишек у них все были русские. Это были дети старателей, лесорубов, геологов, шоферов. Петруха не заморачивался вопросом, откуда дети берутся в его долгое отсутствие и почему они все разные!? Он даже гордился – моя жёнка родила, значит, мои. Пусть бегают! Все красивые!

Сбоку избы начальника, в пристройке жили два брата эвенка, якобы охотники, но охотились они только зимой, хотя ни оружия, ни собак у них никто не видел. А любимое развлечение братьев была исконно русская забава – нажраться браги или самогона и измордовать друг друга до потери пульса. В самой просторной избе с печкой из бочки стояло с десяток кроватей без матрасов и обитало столько же сезонников, таких же, как и мы, «старателей».

Кто-то из них уже был на своих делянах в тайге, кто-то еще ошивался здесь, не решаясь приступить к этой проклятой работе. Большинство из них народ тертый, битый и колоченный. Почти все бывшие зека, сидельцы. Говоря с ними, фильтруй свой «базар», следи за своей речью, особенно ежели матом, иначе можно запросто схлопотать по морде, а то и «перо» или пулю. Свою жизнь они ни в грош не ставят, а чужую тем более. Как ни странно, но мы пришлись ко двору, два моряка и парнишка с зоны, ещё по малолетке замочивший своего тятю. Все старались чему-то нас научить, подсказать, помочь по мере сил и возможностей.

Якутская тайга. Сенокос

Было уже начало июля, время сенокоса. То, что никто из нас никогда косу не держал в руках косу, нас не смущало. Мужики показали, и как косить, и как на «бабке» правильно косу отбить, поправить оселком. Этот крутой народ многое умел, и нас научили. В один из дней, мы с этими же мужиками поймали одичавших на воле лошадей, надели на них вьючные седла, загрузили мешки с продуктами, палаткой, матрасами, косами, топорами, пилами и т. д. Наши лошадки больше стали похожи на верблюдов, только ноги покороче и морды посимпатичнее. Эти благородные скакуны, отвыкнув от узды и седел, постоянно норовили то лягнуть нас, то угрызть здоровенным желтыми, будто прокуренными зубами. Потом наш босс, он ехал вместе с нами, но верхом на нормальной, спокойной кобыле, посоветовав взять в руки каждому по хорошему дрыну. И все! Лошадки наши сразу все поняли, стали смирными и только глазом косили, не зная, с какой стороны ждать «поощрения».

Ехали мы часов 6—7, по каким-то болотам, прогнившим гатям. Местами почва под копытами лошадей шла волнами, казалось, что толстый слой торфа прорвется, а там трясина. В таких местах лошадей переводили по одной, держа наготове толстые жерди, чтобы в случае чего не дать лошади утонуть, а подсунув эти жерди под брюхо, вытащить её из топи.

Худо-бедно, но к вечеру добрались мы до деляны, где нам предстояло совершать трудовые подвиги во имя КРС (крупного рогатого скота).

К этому времени мы уже потеряли по литру крови, став донорами для миллиардов комаров. Наш босс, объяснив нам все в двух словах, сразу собрался в обратный путь, велев на ночь ружья заряжать жаканами и не стрелять друг в друга. Он отчалил на своей сивой кобыле, уводя в поводу еще двух. Самого вредного мерина Ваньку он оставил нам на перевоспитание и хозяйственные нужды, сказав на прощание, что если этот урод и сдохнет, то наказывать он нас не будет, туда ему и дорога: «Не отказывайтесь, парни, он вам нужен будет и для работы, а ежели что, то и как аварийка и скорая помощь. То, что вы не знаете обратной дороги, это не беда, Ванька знает! Выведет! Только привязывайте его крепче и ноги спутывайте, глядишь, и поладите».

С тем и отбыл! Остались мы втроем в глухой, дремучей, пока незнакомой тайге. Для начала растянули палатку, пока у нас не было лобаза, затащили продукты и все остальное барахло в палатку. Ваньку привязали на лугу, вбив топором мощный кол, пусть пасется. Только не знали мы тогда, что его якорная цепь и кнехт корабельный не удержат. Перекусив и попив чайку, зарядили наши пушки жаканами и улеглись спать. За ночь никто из нас не сомкнул глаз – в тайге что-то трещало, скрипело, ухало, около палатки кто-то топал, вздыхал тяжело и жутко. Стрелять, не зная куда и в кого

не стали. Утром около палатки и обнаружили нашего ночного визитера, Ваньку. Он выдернул свой «кнехт», к которому был пришвартован на ночь, и ему было до фени, что из-за него мы чуть не обосрались.

Я уже говорил, что таежники мы были еще те! Да и попугали нас страшилками о медведях, которые задирают охотников в палатках вместе с собаками, и, к сожалению, все это было правдой. Здоровый, сытый зверь человека старается обойти стороной, а больной, старый или шатун – это опасность реальная. А шатунами чаще и становятся больные, старые, подранки, не набравшие жира для зимней спячки звери. Но как бы то ни было, мы решили построить какое-то подобие избушки из тонких бревен, здесь такие постройки зовут балаганом. Всё это мы и сделали по советам мужиков и нашего босса. Спасибо им всем за науку!

Навалили вокруг деревьев, диаметром с Ванькино копыто, а это где-то 20 сантиметров. Обрубили сучья, ошкурили, нарезали по размеру. Гвозди на 150—200 у нас были, был также рулон рубероида и старые полиэтиленовые мешки из-под взрывчатки. К вечеру наш терем уже стоял, возвышаясь на высоких пеньках. Сделали нары, полки, стол, стулья и все это из жердей. Нам даже самим понравилось дело рук наших. Натаскали в балаган кучи уже почти сухого сена, которое накосили еще утром, и теперь запах от свежего сена был как дурман. Прозвали мы наш вигвам «наф-нафом». Мы не помнили, у кого из троих поросят был такой дом, но наш до-

мик нам определённо понравился. Мы все сделали правильно, этот балаган станет для нас защитой от непогоды, гнуса, да и ночью теперь можно будет спать спокойно, зверь ночью нас не застанет врасплох, успеем проснуться, ежели что. Продукты мы пока оставили в палатке (ох и зря!), а сами пошли знакомиться с нашими угодьями.

Среди непролазной тайги были проплешины заливных лугов, мари с редким кочкарником высотой в полметра и с густой, высокой травой. Здесь нам и предстояло заготавливать коровий корм. Здесь же на таежных прогалинах было много карстовых озер, которые образовались из-за нарушения верхних слоев почвы, мхов, дерна, торфов. Когда-то, возможно, здесь проехал вездеход геологов или трактор старателей, пошла оттайка вечной мерзлоты и образовались озера. Они были все зарыблены, а от количества уток на воде мы вообще пришли в полнейший восторг. Уже возвращаясь к лагерю, стрельнули трех жирных крякв, по утке на каждого. Пришвартованного на лугу Ваньки не было, ушел, видно, паразит в свободное плавание.

Уже подойдя поближе видим толстую жопу мерина, торчащую из палатки. Стоит гад на коленях и с огромным аппетитом пожирает наши припасы. Смачно хрустит сухарями, макаронами и сахаром, жрет отродье лошадиное всё подряд: муку и даже соль. Так увлекся процессом харчевания, что и не слышит ни хрена.

Срочно нужно было лечить обжору – вернули ему и слух,

и страх дрыном по его жирной заднице. Ваня срывается с места с палаткой на голове и летит куда-то в болото, взбрыкивая задними ногами. Там мы его и поймали. Стоит с палаткой на голове, дрожит, из-под хвоста валятся наши крупы, макароны, но уже в виде кругляшей, а сам он по яйца в грязи, стоит в болоте и трясётся мелкой дрожью.

Ладно, хоть он и вредитель, но все равно нужно выручать свою «технику». Содрали с ирода палатку, кое-как вытащили его из болота, отвели к балагану и привязали уже к дереву, да еще и ноги спутали. Прочитали ему лекцию о вреде чревоугодия и кинули сена, чтобы потом с голоду не сдох. Мы его наставляли так: «Но не делай виноватую морду, Ваня, сам виноват, теперь ты будешь жевать только сено, а не свежую травку на лугу». Самое интересное, что он вроде бы осознал, судя по грустному виноватому выражению его «лица» и тяжелым вздохам. Ну а мы стали подсчитывать убытки. Этот Буцефал порвал зубами все мешки. Мука, сахар, дрожжи, сухари – все это перемешано, испорчено, половину наших припасов сожрал гад и не подавился! Неужели его совесть не мучает лошадиная!?

В тайге было хорошо, как на курорте – тишина, покой. Живем в полном ладу с природой. Чтобы окончательно не забыть, зачем мы вообще здесь, решили приступить к работе. Было даже интересно, хотя и не привычно вставать очень рано, пить чай с лепешками и отправляться на покос. Косили по росе, когда солнце вставало, роса исчезала,

мы шли отдохнуть, перекусить. Пекли опять свежие лепешки, доедали вчерашнюю утятину. Каждый день мы варили по три утки с белыми грибами. Кулеш получался изумительный. После обеда шли ворошить сено. Жара в том далеком, 1972 году была даже здесь, в Якутии под сорок, а под Москвой горели торфяники. В ту пору я еще не знал и не ведал, что такое таежный пожар, особенно верховой, когда он движется со скоростью курьерского поезда. Позже в моих странствиях по северам мне пришлось побывать в таких переделках.., но в нашем случае нам повезло.

Вечером мы уже сгребали сено и укладывали в небольшие копешки, на случай дождя, зароды. Когда зародов было уже много, стали скирдовать. Свозить на волокушах в одно место, повыше и посуше и вершить скирды. Так оно будет лежать до зимы, а потом, уже по зимнику, его машинами вывезут на прииск, где оно и превратится в навоз и молоко. Каким-то образом вместо «саги» об Иване, доблестном нашем мерине, у меня получился отчет о специфике сенокоса.

Таёжные науки. Благодать природы

Мы быстро привыкали к нашей новой жизни, тайга уже не казалось такой дремучей, а медведи такими страшными. Мы жили и учились у природы, пользовались её дарами, и, я даже сказал бы, что мы жили в гармонии с природой. В лесу и на прогалинах было много грибов и ягод, это была хорошая добавка к нашему столу, так же, как и рыба, и утки. Совершенно случайно, даже можно сказать с перепугу, завалили лося, что делать с таким количеством мяса мы не знали, и действовали совершенно инстинктивно. Сняли в одном месте мох, дерн, выдолбили топорами в мерзлоте пещерку и заложили туда сохатиное мясо, завернутое в целлофан, потом закрыли жердями и заложили все опять торфом, мхом. Через сутки проверили – мясо стало как лед, в таком состоянии оно и год пролежит. По чьей-то старой подсказке поставили и брагу, на всякий случай даю рецепт: в полиэтиленовый мешок наливаете три ведра воды, туда же сахар и дрожжи, чтобы мешок не порвался, заранее вставляете его в обыкновенный холщёвый и вешаете этот бурдюк на дерево с солнечной стороны. Вот и все!

Через дня четыре-пять можно дегустировать. У вас получилось тридцать литров прекрасного хмельного напитка.

Желательно сделать это и с ягодой. Лепота! Хорошо закусить этот «напиток» куском сохатины, зажаренной на вертеле. Мы поняли, что на природе, в тайге можно не только выжить, но и жить вполне прилично, необходимо только знать, уметь и хотеть так жить. Помимо уток, которых почти уже не стреляли, в тайге водились: глухари, тетерева, рябчики. Был и пушной промысел: соболь, колонок, горностай, белка, в озерах и ручьях водилась ондатра, которую тоже можно есть но в это время года пушнина была ещё не «выходная», то есть не перелинявшая, летняя. Стрелять в это время, значит, просто губить зверьков. В тех местах по Аллах-Юню водились и уникальные черные белки, необыкновенной красоты. Они, как и бурундуки, очень любопытны и быстро привыкают к человеку. Когда я нашел черную белку с поломанной лапкой (кость торчала), я ничем не мог ей помочь. Лазить по деревьям она не могла, а видеть ее мучения было тяжело, и я ее убил из жалости. Рассмотрел, налюбовался и закопал под деревом, где её и нашел.

Как бы предчувствуя непогоду, мы собрали, заскирдовали готовое сухое сено, и тут же почти сразу полил затяжной, обложной, без малейшего просветления дождь. Нам быстро надоело смотреть в хмурое, мокрое небо, и мы решили наведаться на базу. Набрали с собой продуктов на всякий случай, чтя таежный закон: «Идешь в тайгу на один день – бери припасов на неделю». Это актуально особенно зимой. Мы взяли с собой грибов сушеных, рыбы вяленой, вареных уток

и здоровенный кусок сохатины, подсоленной и подкопченной, так она может долго храниться. Навьючили все на Ваньку и подались по топям да болотам. Мерин, видно, понял, что от него требуется и куда нам нужно. Он вел нас как по компасу, правда, своих старых затесей на деревьях мы так и не обнаружили, мы шли другими, только одному ему известными, тропами. На всякий случай мы опять старались обламывать ветки и делать затеси на стволах деревьев. Выйдя к берегу Аллах-Юня, мы обнаружили там тропу, вот по ней-то и вышли прямо к базе, минуя болота, гнилые гати. Умница Ваня.

Мы поневоле зауважали нашего конягу. И все это при том, что не было одной попытки сбежать, бросить нас на произвол судьбы. В качестве награды Ваньке было выдано ведро овса, которое мы выпросили у конюха. Для Вани это было высшее признание его заслуг. Это был наш первый самостоятельный переход по тайге, и мы уяснили простое правило: «Иди всегда по ручью, он всегда рано или поздно выведет к реке, по которой всегда дойдешь или сплавишься к жилью, к людям».

«Банкет» на заимке

На базе уже шел пир горой, и наши запасы, припасы пришлись как нельзя кстати. Оказывается, нашлись добровольцы, которые смотались за сорок с лишним километров в поселок Эльдикан на берегу Алдана. Туда они, можно сказать, долетели с пустыми рюкзаками, а вот обратно это был тяжкий путь, почти по сказке про Машеньку и медведя. Через каждый километр кто-то из них говорил: «Сяду-ка я, блин, на пенёк да съем пирожок», и некому им было сказать: «Не садись на пенек, не „пей“ пирожок, ведь и так скоро упадешь, алкаш хренов». Худо-бедно, но к концу вторых суток гонцы едва живые, но прибыли и были встречены радостным ревом иссохшихся глоток.

Чуть погодя и мы подоспели с нашей дичью, грибами, рыбой, и все оказалось очень вовремя. Босс с нами не бухал, в толпе ему было некомфортно, поэтому он отстегнул у нас литр водки и удалился. Но мужики точно знали, что недавно с «вертушкой» МИ-4 с прииска ему от директора передали канистру со спиртом. Гонцы вернулись, и наша «веселуха» вспыхнула с новой силой. Души наши широко распахнулись, чтобы потом после пьянки опять плотно запахнуться, скрывая нашу истинную сущность.

А пока мы все братья, все друг друга любим и уважаем! И нельзя иначе! «Сабантуй» прошел на удивление мирно,

если не считать, что зимовье чуть не сожгли да сами чуть не сгорели. Несколько выбитых зубов, разбитых носов да фингалов под глазами, это не в счет, мелочи! Все хорошо, прекрасная маркиза! Все хорошее кончается быстро. Дождь ещё моросил, а водка уже кончилась, было желание продолжить, но тут прекратился и дождь. Наш босс, похожий на дикого кабана или лешего, обложил всех черным, как туча, матом и пинками стал выпроваживать «питоков» на работу. Мы тоже, отловив своего скакуна, завьючив на него немного самого необходимого, подались на свое таежное ранчо. Шли вдоль реки, по уже известным нам, Ванькиным тропам.

Гости нашего становища

Там нас ожидал сюрприз. Во-первых, у нас был гость – эвенк с большого Налимьего озера. Он пришел к нам по тайге за 90 километров, чаю попить, ну просто так заглянул на огонек. Мы охренели от такого соседского визита. Посидел немного, двух слов не сказал кряду, выпил пару кружек крепкого чая и пригласил нас забегать в гости. А то, что его Налимье озеро черт знает где, за 90 км, так это же рядом! По обычаю, по-таежному поделились, чем могли: табаком, чаем, сахаром, патронами. Ушел он, исчез уже в вечерней мгле, даже веточка не хрустнула, как будто его и не было.

Оказывается, это был уже второй гость, а вот первый был медведь, и мы не знали, радоваться нам или горевать. Радоваться тому, что нас там не было или горевать, что упустили такую добычу? Но, скорее всего, он и пришел, потому что здесь никого не было, вот только похозяйничал он, похулиганил не просто, а от души. По всей вероятности, он был сыт и добродушен, в противном случае, он набедокурил бы еще больше. Ну а так он сделал лишь то, что в свое время наш коняга Ванька попортил оставшиеся продукты, сожрал или утащил всю сохатину из ледника, подавил и порвал даже жестяные банки с консервами. Особенно по душе Мише пришлась сгущенка: прокусив банки, он до капли высосал всю! Даже Ивану такое не под силу, а, может, у него от сгущён-

ки зубы болят, причем сахар он жрёт исправно, и диабета не боится гад.

Дверь в нашем жилище он попросту поломал и внутри разломал все, что только можно было, потом нагадил большую кучу и ушел. В эту ночь в разорённом балагане мы не спали. Ванька, привязанный к дереву, чуя медвежий дух, тоже вел себя неспокойно. Но в этот раз дым от костра и запах табака отпугнули зверя, и больше он не приходил. Мы остались без мяса и опять перешли на уток, которые уже готовились к отлету. Молодые утята уже выросли, обросли пером и уже становились на крыло, учились летать. Собственно, все уже шло к концу, мы ждали босса, который должен был приехать, чтобы принять работу, проверить качество сена, правильно ли сметаны скирды, и замерять количество. Как потом оказалось, у нас было 62 тонны отличного сухого пахучего сена.

Ну а пока мы решили пожить для себя, отдохнуть. Целыми днями мы шлялись по тайге, охотились, рыбачили, пили брагу. Курорт, да и только! Вскоре приехал верхом на своей сивой кобыле и наш босс, напоили мы его брагой, накормили жирной утятиной, рыбой и свежими лепешками. Все ему настолько понравилось, что он решил нас не обманывать (как обычно, и всех) в объеме работы, а даже приписать лишнее, в чем мы, конечно, сильно сомневались. Хотя бы получить то, что заработали. Быстренько собираем барахло, все то же, но в обратном порядке. Забираем в банках недопитую бра-

гу, подпираем жердью дверь нашей хижины. Сюда весь груз мы везли на трёх лошадях, а сейчас у нас только наш верный «грузовик», Ваня, который с печалью косится на горб, который вырос у него на спине. Сейчас он в три раза больше, чем когда ехали сюда. Прощай покос, тайга! Мы уже на пути к новым приключениям!

Ожидание, безделье! Вот уже который день ждем грузовик, чтобы выехать за расчетом. Но теперь мы, кажется, уже не нужны, и начальство не спешит выдать нам наши кровные! От безделья толпа уже начала бузить, устраивать кулачные бои и стрельбы, пока еще по банкам и бутылкам. Конечно, все это происходило не насухую. У каждого была заначка, на всякий случай, который, видимо, и наступил. Даже там, в тайге, в то, еще «совковое», время (1972 год) нашелся делец, который, придя на базу раньше других и зная все наперед, поставил браги, нагнал самогона и теперь торговал им, забирая у мужиков последние деньги, а потом и одежду, сапоги-болотники, ружья. Терпеть такое мы не могли, это был уже беспредел, а мужики, крутые мужики, битые жизнью, зонами, лагерями шли к этому барыге на поклон, они уважали собственность!

Мы её не больно «уважали», поэтому пошли к барыге, набили ему слегка морду и для начала забрали все ружья, сапоги, и тд.. Отнесли мы все это в зимовье, где жили, и всё вернули владельцам. Но поскольку брага и самогон у барыги оставались, к вечеру все эти вещи опять были у него. Ну

и хрен с вами! Один в поле не воин!

Печально, летально, фатально, но факт!

А коситься мужики стали не на него, а на нас. Не любят, они не прощают, когда кто-то лезет в их жизнь или, тем более, что-то запрещает. За время нашего вынужденного безделья происходят два события. Это были: убийство медведя и печальный конец загнанной лошади. Медведя заметили в реке, когда он её переплывал, на лодках подогнали к берегу, а когда он разъярённый кинулся на людей и собак, тогда-то и убили на выходе из воды. Восемь человек верёвками едва вытащили его тушу из воды.

Когда шкуру сняли, и растянули на жердине, я удивился размерам, длине и густоте шерсти, а главное – когтям. Они сразу покорили мое сердце. Задние – короткие и обломанные, но передние – длинные и черные, будто лакированные, я сразу представил их в виде ожерелья на моей немытой, могучей, загорелой шее. Рука у меня сама потянулась к ножу, который висел на поясе. Отрезал я когти вместе с подушечками и шерстью. Во, блин, Чингачук-Большой Змей, индеец хренов, испортил шкуру, ведь шкура без когтей и головы не ценится. Но об этом я узнал из воплей моего босса, который возмечтал подарить эту шкуру в председателю артели Власову. Ладно, что я еще башку не отрезал, а вот когти при-

шлось трусливо подбросить к шкуре, во избежание неприятностей для всех. Их потом пришьют, и видно ничего не будет. Мяса у нас теперь опять было навалом. Но пойла не было. Барыга свою лавочку прикрыл, получив вместо оплаты опять в носопырку.

Не вынес, «Боливар» двоих

Два друга, томимые жаждой, и ради общества решили смотаться в Эльдикан уже проторенным путем. Но топать пешком больше сорока километров, когда знаешь, что магазин закроется в семь вечера, это «голяк», напрасная трата сил и времени. Они ловят первую попавшуюся лошадь, подманив её овсом, с ней переплывают реку, несмотря на течение и ледяную воду, ухитрившись при этом не утонуть самим и не утопить лошадь. Потом оба джигита взгромоздились на бедного одра и погнали напрямую по тайге к Алдану, где на берегу, в поселке Эльдикан, их ждал широкий выбор спиртного.

Успеть бы только до закрытия лавки. Успели! Доскакав на взмыленной лошади до магазина, джигиты увидали, что продавец запирает лавку. А их лошадь, совершив последний отчаянный рывок, упала замертво. Это был главный аргумент в горячей просьбе к продавщице. Не устояла женщина, опять открыла магазин и отпустила им желаемое. Врезав, прямо на крылечке из горла, парни пытались реанимировать лошадь, даже водку лили ей в рот, но увы! Околевшая, загнанная насмерть «животина» оживать не хотела да так и осталась совсем околевшей, хреновые оказались ветеринары. Оставив «покойницу» там же у крыльца сельпо, парни отправились в «кильдым» к женщинам, где и им, и пойлу

были очень рады.

После угарной ночи, поутру их разбудил местный «шериф» и велел им убрать лошадь от крыльца магазина. С властью, даже в таком захолустье, не поспоришь, поэтому найдя на берегу Алдана «Беларусь», с почти трезвым водителем, они тросом чекернули лошадь за копыта и утащили в тайгу. Думали, что на этом все, ан-нет! Через несколько дней приходит опять представитель закона и требует утащить её еще дальше и закопать. Объясняет им похмельным, что собаки вскрыли брюхо «покойницы», и вонь тухлятины идёт на посёлок, а вот если ветерок подует от реки, то запах пойдёт в тайгу, а значит, жди нашествия медведей. Они унюхают этот запах за многие километры и уж не упустят возможности полакомиться таким деликатесом, как «ароматная дохлая» лошадь. По этой причине в тайгу за ягодой, грибами, кедровой шишкой аборигенам лучше не соваться, или только под охраной мужиков с «пулемётами», будто им больше делать нечего.

Деваться некуда, пошли друзья опять искать трактор, но уже с ковшом. Сторговались за литр водки, на последние деньги. У трупа было полно воронья, вонь стояла ужасная, парни опять зачекеровали дохлого мустанга за ноги и утащили ещё дальше в тайгу. Потом ковшом вырыли могилу и закопали беднягу. Мир праху твоему, верный Буцефал!

Едва присыпав труп, убежали подальше от той вони. На другой день тем же путем, но только уже пешком они

дотащились, проклиная себя и все остальное, до базы. Сам босс перевез их через Аллах-Юнь, по пути набив им «фото-карточки», а потом и притопив в реке, чтобы в другой раз неповадно было, ну и в назидание другим. А за лошадь с них удержали 800 рублей. В 1972 году это были ещё деньги.

Немного об охоте

Если по-честному, то я вовсе не охотник, потому что мне всегда было жаль убитую мной, даже по необходимости, живность. Работая в якутской тайге на Аллах-Юне, мы никогда не стреляли дичь только потому, что она там была, у нас не было жажды убийства. Уток было множество, ещё больше было утят, которые вот-вот станут на крыло, но пока только порхали по воде, пробуя свои силы. Стреляли мы только селезней кряквы и не больше штуки на брата, этого нам хватало на сутки. Когда хотелось ушицы, ставили сетёшки, и когда шумнёшь чем-нибудь по воде, рыба влетала в сеть косяками. Тут уж выбираешь на жарёху и уху покрупней, а мелочь шла на посол и вяление.

Однажды поутру вместо рыбы я обнаружил в сети каких-то дивных чёрных, узкоклювых уток, видимо, с высоты увидав в кристально чистой воде рыбу, они решили подзаправиться да и влетели в сеть. В тот день была моя очередь заботиться о хлебе насущном, и я решил приготовить дар с небес как обычных уток. Думал ощипать их по-шустрому, да не тут-то было – пёрышка не выдернешь, не то что щипать. Можно, конечно, было попробовать ошпарить кипятком, и дело пошло бы, но я снял кожу чулком вместе с перьями. Мясо было почти чёрное, жир жёлтый, сама пахла рыбой; кинул в котелок, варю, запашина идёт, будто тухлая

рыба варится, булькает. Когда мои коллеги пришли на обед, первый вопрос у них был: «Чем это у тебя так воняет?» Объясняю им, что это новое блюдо, уха из уток. Морща носы, парни попробовали грызть мясо, хлебать шурпу, да слабо им оказалось, не в жилу, вылили паразиты на землю мой кулинарный шедевр, а сам котелок мы потом ещё долго пытались оттереть песком.

Потом я спросил у аборигенов, что это за птички были. Гагары – морские обитатели, они питаются только рыбой. Якуты из шкурок шьют носки, стельки вырезают, а вообще, гагара у северных народов считается священной птицей. У полярного круга, на озере Мадуйка, где я работал после, аборигены-остяки тоже предупреждали нас, пришлых: «Не вздумайте „стрелить“ птицу-лебедя, это грех». Но у кого может подняться рука на эту гордую, красивую птицу, символ верности? Я знал, что на озере живёт пара лебедей, они иногда летали над посёлком, над озером, неразлучной парой. Приближалась осень, и вся водоплавающая живность готовилась к отлёту.

После утиной охоты я возвращался на «станок», гружённый дичью, и тут увидел одинокого лебедя, он летел низко, крылья с характерным свистом резали воздух, но он был одинок, этот горестно кричащий лебедь. В тот момент я понял, что какая-то сволочь убила другого, значит, у кого-то всё же поднялась рука, чтоб у него руки отсохли и глаз правый вытек, которым он целился.

Через некоторое время я зашёл к остякам узнать про олений камус, который они мне выделывали на торбаса. В избе было почти темно, вонь страшная, пахнет застоявшимся ссаньём, мокрой собачьей шерстью, тухлыми рыбьими потрохами, которыми они выделывают шкуры, амбрэ ещё то, аж глаза ест. Приглядевшись со свету, вижу в руках у остятки, сидевшей на чурбаке что-то белое, лёгкое, воздушное, спрашиваю: «Что это за красота?». Та и брякнула сходу: «Лебёдка, однако». Мясо они сожрали, а шкурку лебединую она и тёрла, выделывала. Я думал, что «сам», остяк её убьёт, ведь это он меня строжил, говорил, чтоб мы блюли таёжные законы, а сам иудой оказался. Они выдёргивают перо, и остаётся густой, белый и очень тёплый подпушек, лебединый пух, который ценится и идёт на женские шапочки модницам.

Во время весеннего перелёта мы охотились на гусей и уток; гусь был пролётный и улетал гнездиться дальше на север, но многие породы уток оставались гнездиться, выводить потомство в этих краях. Места почти безлюдные, нехоженые, корма хватает, плодись и размножайся. Зимой интересна охота на глухаря, рябчика, тетерева. Куропатки как добыча меня не привлекали, их можно было добыть и без ружья. В местах кормёжки птицы, разбросав по снегу замороженную бруснику, ставишь петли из лески, а на другой день идёшь за добычей.

Можно бутылкой из-под шампанского, наполненной горячей водой, наделать в снегу лунок, бросить туда по ягодке

брусники, и результат будет тот же самый. Куропатка ныряет в лунку за ягодой, а выбраться обратно ледяные стенки не дают, там они и замерзают. Такой «охотой» больше занимались ребятишки. Куропатку на снегу не видно, и когда иногда затаившаяся под снегом птица неожиданно вспархивала прямо из-под ног и трепеща в панике крыльями улетала, оставалось только стволами повести ей вслед. Добыча не завидная, и не хотелось выстрелами нарушать тишину тайги, пугать настоящую дичь, зверя.

Как правило, или по закону подлости тщательно подготавливаемая охота зачастую бывает безрезультатной. А вот когда ты выскочишь на лыжах в тайгу, чтобы просто пробежаться, подышать, полюбоваться природой, обязательно наскочишь на громадного глухаря, который будто понимая, что ты ему ни хрена ни сделаешь, будет сидеть на сосне и разглядывать придурка на лыжах. Такое у меня случалось и не раз, даже в соболя кидал лыжной палкой в то время, как мои капканы стояли пустые.

На Колымской ГЭС, где я тоже когда-то трудился, в одну из зим наблюдалась массовая миграция куропатки. Посёлок накрыло как белым одеялом, машины остановились, чтоб не ехать по птицам, и никто не знает, сколько тысяч или десятков тысяч их там было. Это продолжалось около часа, потом как по сигналу они взметнулись и исчезли в темноте полярной ночи. Как правило, это связано с бескормицей в местах обитания, во всяком случае, мы так думаем. Самая

престижная и желанная добыча – это, конечно, таёжный красавец-глухарь, петух кг на восемь, а то и на десять. Такой летает тяжело, будто гружёный транспортник.

Самая вкусная и глупая птица – «буржуйский» рябчик, выводок можно выщелкать из мелкашки, и не один не улетит. Якутские пацаны вообще снимают с веток птиц одними шестами с петлями из лески на концах. Мясо у рябчика белое, нежное, буржуи были не дураки, знали, что есть.

Сейчас вспоминая обо всех этих своих охотах, не понимаю, зачем мне это было нужно, ведь охотились мы не ради пропитания. У меня и раньше это было, убьёшь красавца-глухаря, смотришь на него и думаешь: «Ну зачем я это сделал, он даже мёртвый такой красивый, он беззащитный, а я его сгубил». Когда в руках у мужика появляется ружьё, он уже не может, чтоб не отнять у кого-то жизнь, видимо, в нём просыпается древний инстинкт охотника, добытчика, и не жажда убийства, но азарт, и я, к сожалению, не исключение.

Ещё немного об охоте, но не на пернатых, а речь пойдёт о песцах. Когда летишь на вертолёте или самолёте с воздуха видны цепи озёр, их великое множество, и почти все они зарыблены, то есть с рыбой. В тундре, в зоне вечной мерзлоты из-за нарушения верхнего покрова начинается оттайка, образовываются карстовые озёра, которые впоследствии и зарыбливаются водоплавающими перелётными птицами. Это они переносят на своих лапах рыбью икру по озёрам на мно-

гие расстояния.

Мои друзья с Туруханского рыбозавода организовали базу на границе тайги и тундры. Это самое удобное расположение для промысла. В их распоряжении была цепь проточных озёр, в которые впадала какая-то горная речушка без названия и которая потом впадала в Нижнюю Тунгуску, откуда иногда и заходили в эти озёра на кормёжку гигантские таймени, любящие чистую, быструю воду, перекаты. В озере водились громадные щуки, чир, язь, пелядь, ряпушка, был и ленок. Такому обилию рыбы можно было только позавидовать.

Парни рыбачили для рыбозавода, для себя били утку, добывали и мясо, на пушного зверя охотились по сезону, в зимнее время, когда у песца, соболя, белки, горностая уже выходной мех. Ондатру тоже брали зимой, ставя капканы у хаток. В иной год, когда идёт ходовой песец, мигрирующий с родной тундры от бескормицы в другие места, богатые леммингом, крупной тундровой мышью, основным кормом песцов, его добывали едва ли не сотнями. В это время песец может заходить в посёлки, рыться на помойках, по ходу он съедает всё, мало-мальски пригодное в пищу.

Местного песца было мало, а ходовой появляется раз в три-четыре года, к этому времени парни подальше от зимовья уже наготовили «духовых ям», набитых рыбьими отходами. Ямы с тухлой рыбой заваливают валежником, дёрном, втыкают в это место столбики, чтоб в нужное время их

выдернуть, и тогда невыносимая для человека, но такая притягательная для зверья вонь растечётся по тайге и тундре. Медведь тоже любит тухлятину, она для него, как для ребёнка Сникерс, поэтому и делают эти ямы подальше от жилья. Его «визит» всегда неожидан, и последствия могут быть самые хреновые, если не выручат собаки, почувствовав «хозяина» и подняв лай.

Голодный песец, чувствуя рыбный запах, ломится в эту дармовую помойку, но вокруг ямы уже стоят десятки капканов, и за этот сыр в мышеловке зверькам придётся расплачиваться своей шкуркой. Такая охота неинтересна, но продуктивна, потому что не нужно бегать по тундре, выискивая песцовые следы, настораживать капканы, потом ходить, выискивая их в снегу, откапывать, опять настораживать. Если есть добыча, тащить её на себе, спеша, пока позёмка не замела твои следы, если заплутаешь, в том месте, где только снег и мутное небо, определиться на местности невозможно, ты не чукча, не остяк, и этим всё сказано.

Абориген, самоед идёт или едет в тундру в малице или в парке, ему пурга не страшна. Он может зарыться в снег, переждать непогоду, потом определиться по звёздам и выйти к своему стойбищу. Когда я спросил остяка, как он находит дорогу в тайге, или тундре, он сначала удивился моему глупому вопросу, а потом спросил меня: «А ты можешь заблудиться в своём городе?» – «Конечно, нет». – «А у нас и того проще, вон видишь ту звезду – это Полярная звезда, она

и выведет тебя куда хочешь». Он долго и, как ему казалось, доходчиво объяснял мне, но как я не крутил головой, звезда постоянно была надо мной, а моя дорога, выходит должна была уходить только в космос. «Бестолковый ты, однако, мой семилетний пацан больше вас русских понимает», – заключил остяк.

Я знал, что его Колька спокойно плавает на долблёнке-«ветке» да ещё и стреляет с неё, а я в ней ни усидеть, ни устоять не могу. Он неделями пропадает в тайге, охотится на уток, ловит для себя и собак рыбу, живёт в зимовьях, которых понаставили на путиках для зимней охоты. Там по таёжному обычаю всегда есть запас дров, спички, соль, посуда, небольшой для лета запас продуктов и в любом случае есть чай и сахар.

Колькина мать, Катя, о нём ничуть не беспокоится, а на мой вопрос, где сын, коротко отвечает: «Однахо, тайха пошол». Помолчав, добавляет: «С собаками он, ничо с ним не будет, в школу ему осенью, не хочет он, грит, я охотник, и ваша школа мне не нужна, пусть сеструхи, Улька с Полькой учатся, они бабы». Кроме Кольки у Пашки с Катей было ещё пятеро короедов, и все не от Пашки, но он гордился: «Моя баба родила, значит, мои и баста».

В тех местах, в Аллах-Юньской тайге медведей было много, но лето было грибное и ягодное, медведь был сыт и относительно не опасен, да и собаки, больше похожие на громадных волков, чем на обычных лаек, могли отпугнуть лю-

бого зверя. У семилетнего Кольки было и своё ружье, пятизарядная «мелкашка» и бердана тридцать второго калибра, правда, он пока предпочитал более лёгкую, мелкокалиберную тозовку. Такой таёжной жизни любой позавидует, только для этого нужно там родиться, впитать это с молоком матери, с детства видеть тайгу, понимать природу, дышать тем воздухом.

С тех пор прошло более сорока лет, но картина якутской тайги, хрустально прозрачного и быстрого Аллах-Юня, стоит у меня перед глазами, и я благодарен судьбе, забросившей меня в своё время в те благословенные места.

Горностай

Это, пожалуй, самый красивый и грациозный пушной зверёк из куньих, правда, есть ещё у него в родне соболь, колонок, ласка, горностай, хорёк, выдра и даже барсук с росомахой, что совсем уж удивительно. Но ни один из них не сравнится по красоте и нежности меха с горностаем, впрочем как и по жестокости. Не зря у дам высшего света он всегда пользовался бешеной популярностью, а горностаевые мантии веками были только королевской привилегией.

Казалось, горностай небольшой, но он берёт добычу гораздо крупней себя, с лёту прокусывая ей затылок, это его специфический приём, после которого любая жертва уже неспособна к сопротивлению, и самый простой пример. Это – заяц, который задними лапами может вспороть живот даже лисе.

Питается горностай и птицей, и рыбой, не отказывается и от мышей, пробегая за ними под снегом ни один десяток метров. Любит он и кедровые орехи, которые сам не запасает, но зорит запасы белок, бурундуков, обрекая тех на голодную смерть, хотя ему самому смерть от голода, при его хищности и кровожадности, никогда не грозит.

А мордашка-то какая милая, и ни на какого-то монстра он совсем не похож. Вот только в ярости он способен кинуться даже на человека, и рассказ, некогда рассказанный мне

старым охотником, о том, как горностай отгрыз ухо спящему у костра пьяному охотнику, я, конечно, принял за анекдот. Но знаю, что самка горностая, действительно, может броситься на человека, защищая своё гнездо с детёнышами, впрочем как и любая мать.

Но я не натуралист и не зоолог, и описание самых странных, всевозможных и невозможных существ, обитающих в разных ареалах нашей страны, я оставляю докам, именно тем, кто и должен заниматься этим делом.

Первый раз я увидел горностая в якутской тайге, когда мы на моторке поднялись со своей базы на Аллах-Юне вверх против течения реки, до своего временного лабаза с продуктами, где нас ждал неожиданный сюрприз. Медведь не только пожрал и попортил почти все наши запасы, но и разворотил весь лабаз, раскатал по брёвнышку и крышу уронил, и как только его гада самого там не придавило. Но делать нечего, вертолёт будет не скоро, рации у нас нет, значит, нужно собирать остатки того, что не влезло в медвежью утробу и было разорвано, растоптано, испоганено, а прямо в центре этого продуктового хаоса была оставлена медвежья визитка, в виде огромной кучи свежего дерьма.

Это его, наверное, пронесло от сгущёнки, банки с которой он прокусил, молоко высосал, а банки расплющил как на наковальне, выдавливая всё до капельки.

В общем картина такая: мешки с мукой распороты, ящики с макаронами разбиты, все крупы на радость бурундукам

рассыпаны по земле, сахар почти весь сожрал, но больше попортил, ладно хоть масло растительное уцелело, думаю, что это совершенно случайно. Сигареты и аварийная махорка разбросаны, но мне кажется, что он и ушёл, нанюхавшись табака, лучше бы он сразу нюхнул от души табачища и чихал бы, колотясь при этом о бревно, может, хоть сотрясение мозга схлопотал бы.

Если по-честному, то это случилось не впервой, и этого медведя мы давно знали и даже видели, но на расстоянии выстрела он никогда нас не подпускал. И даже наши ночные охоты на его тропе были беспонтовые, хотя мы честно сидели не одну ночь на высоте, на толстых сучьях деревьев, на небольших площадках, в каком-то подобии гамаков, не спали, не курили – в общем, старались ничем не выдать своё присутствие, но…

Долго мы горевать не стали. В тайге есть олени, много птицы, на мари в озерцах полно рыбы, мы знали Сохатиную тропу, по которой он ходит к озеру на водопой и жрать водоросли, так что добыча мяса, остро не стояла.

Когда мы, собрав всё, что могло пригодиться, нам нужно было сходить за нашим мерином, «грузовиком» Ванькой, а это ещё км пять, и уходя, мы на последок всё хотели обсыпать махоркой, мы вдруг увидели какое-то светло-коричневое существо, очень грациозное и быстрое как молния, я поначалу думал, что это колонок или ласка, но бывший с нами семилетний якут Колька, авторитетно объяснил, что это

горностай.

Выпросив у Кольки мелкашку и пару патронов, я попытался попасть в зверька, но только раздавался сухой щелчок затвора, горностай в мгновение ока исчезал, разочарованный я отдал винтовочку Кольке, а он стоял и лыбился своим щербатым ртом: «Ты, дядь Вов, думаешь, что если б я знал, что ты попадёшь в него, разве я тебе дал бы оружие? У него, как и у всех пушных зверьков, сейчас шкурка летняя, а значит, не выходная, и никакой ценности не имеет, понял?

А зимой я приеду с интерната на каникулы и этого горностая добуду капканом или ещё чем, но только не пулей, дурак я чоли, шкурку портить?» – «Колька, кого ты учишь, кому всего семь лет, тебе или мне?» Вот тут-то этот малыш мне и выдал: «А кто, дядь Вов, здесь родился – ты или я? А кто из нас якут – ты или я? А кто из нас меж двух сосёнок заплутает – я или ты? А кто ночью по звёздам ходит как по компасу – я или ты? А с «ветки» кто у нас кувыркается в воду, даже не выстрелив по уткам? А? (ветка – северное название лодки-долблёнки)». Тут мне нечего было возразить этому маленькому, но очень самостоятельному парнишке, для которого тайга – и школа, и дом родной.

Ванькин «квартирант»

Уже через несколько лет, когда работая на Колымской ГЭС, я опять увидел горностая, но уже ослепительно белого. На девственно чистом снегу чётко отпечатывалась строчка его следов, и если бы не его чёрный хвостик, то я навряд ли заметил этого разбойника, почувствовав моё присутствие, он на мгновение обернулся, блеснув бусинками глаз, и исчез под снегом словно его и не было. Я знал, что в погоне за мелкой добычей, например, мышью или леммингом, он способен пробегать под снегом не один десяток метров, и мне было очень жаль, что я не смог разглядеть его в зимней шубке.

Вернувшись в балок, где мы обедали, я рассказал мужикам о госте в белой шубке, и все сразу стали вспоминать случаи, связанные с пушными зверьками. А мой коллега, бурильщик Иван, рассказал нам свою байку о горностае, жившем у него.

«А вот у меня прошлой зимой горностай жил почти ползимы, я поначалу даже не знал об этом, пока он сам не выскочил из мешка с кедровой шишкой, висевшего на стене сеней. Там же висела и замороженная оленья туша, но следов от его зубов я на ней не видел. Да ладно, думаю сам себе, если он и поест оленины или кедровых орехов, то не велик урон, ему-то нужно всего пять-десять граммов на сутки, не объест, поди.

Но самое главное – я знал, что и горностай, и соболь любят мышей, а охотники даже делают для привады мышиный экстракт, от которого они сами лезут в капканы. В общем, мыши, которые раньше меня одолевали, вдруг все пропали вместе с крысами, и не только у меня, но и во всей нашей «Нахаловке».

Всё шло хорошо, пока я не вспомнил о мешках с кедровой шишкой. Время шло к Новому году, и я решил родным отправить посылочку с этими таёжными дарами, жена-баба тоже засуетилась в надежде половину посылки заполнить сушёными грибами, сами знаете, что наши грибы не идут ни в какое сравнение с материковскими, один запах чего стоит.

В общем, затаскиваю свои, ставшие почему-то совсем лёгкими, мешки в избу, высыпаю всю шишку на приготовленный чистый брезент, начинаю ворошить кучу и сажусь вдруг задницей прямо на пол.

Жена спрашивает: «Ванечка, что с тобой, ты аж в лице побледнел, а, может, тебе валерьяночки плеснуть?» – «Дура-баба, конечно, плесни, только не рюмашку и не валерьянки, а стакан самогону. Шишка-то вся пустая, ни одного орешка нет, вот тебе и посылочка, вот тебе и самогоночка на кедровых орешках, вот тебе и мой труд – из тайги на себе все мешки таскал, чёрт знает откуда».

Выпил я самогонки, успокоился и стал думать, куда могла пропасть вся шишка? На соседей, да и вообще ни на кого я не мог грешить, ну а раз так, то и нечего переживать, не ве-

лика потеря, а на посылку у того же соседа и возьму, ведь вместе за шишкой ходили.

Сгрёб я всю эту шелуху опять в мешки и понёс в сени, думаю, что потом всё это нужно будет отдать соседу, он свиноту держит, а им тоже витамины нужны, ведь для свиней лучше кедровых шишек витаминов и нету.

Выхожу с мешками сени и случайно задеваю плечом сапоги-бродни, висевшие там с последней осенней рыбалки, и мне показалось, что в них что-то есть, хотя точно знаю, что там ничего не должно быть. Снимаю сапоги с крюка и уже второй раз за день шлёпаюсь на мягкое место, сапоги полны отборных кедровых орехов, и, даю руку на отсечение, ни одного испорченного орешка там не должно было быть. Ни кедровка, ни белка, ни бурундук, ни сам горностай испорченного ореха никогда не возьмут.

Для меня, конечно, это была радость, но с печалью на глазах, ведь мой горностай, видимо, крепко обидевшись, ушёл навсегда, а жаль.

Сновидение, воспоминание

Засыпаю в надежде, что никаких кошмарных или пророческих сновидений в эту ночь не будет, ну разве что приятные женщины навестят, и всё будет почти как наяву: ну там, неземная любовь, страстные объятия, и всё дальше, и всё приятней, и так до побудки, до «другого» всё равно уже в снах не доходит, так, разве что чисто платоническая любовь, если хотите.

И в этом сне мне не снятся страстные, неземные Аэлиты, но наяву давно налажены отношения с вполне земной сахалярочкой, аборигенкой Ульяной. А вот будет ли у нас та любовь, о которой мы оба мечтаем, это бабка надвое сказала. В этом сне я живу в глухой тайге, на самом берегу проточного озера, которое речушкой стекает в ревущую горную реку. Река не всегда одинакова: весной, в половодье, она неистовствует в перекатах, бьётся и мечется в каменных ущельях, злобно, словно грызёт, подмывает берега, руша вековые деревья и унося их словно спички.

Иногда она, играючи, устраивает заторы изо льда и вырванных с корнями деревьев, чтобы широко разлиться по болотистым низинам, марям и тайге, отчего деревья, как бы становясь короче, стоят по колено в ледяной воде с острыми иголками от тающего льда. Потом затор прорывает словно гнойник на ложе реки, и вся накопленная многотонная мас-

са, ледяным и древесным месивом, устремляется к новой узкости, чтоб уже там взгромоздить новую плотину, ещё выше, ещё страшней.

С порога моего зимовья мне хорошо видно буйство реки – картина захватывающая, и я точно знаю, что пока река не подойдёт почти к моему порогу, я никуда не смогу уйти. Я жду, когда вздувшийся лёд из моего озера вынесет на простор реки, но пока его держат забереги – это лёд, намертво вцепившийся в поросший кустами берег. Но вот поплыла первая льдинка, за ней вторая – это подпирают вода и лёд из верхнего течения речки. Потом, словно торопясь не успеть, льдины, толпясь как живые, заторопились к устью, и вскоре моё озеро почти очистилось ото льда, и лишь белое ледяное ожерелье осталось на берегах моего озерца.

Вода стала падать и на Аллах-Юне, и в протоках с притоками, а значит, наступило лето. За сутки реки сбросили с себя ледяные шубы и заблестели, заиграли новенькой водой, а то, что пока вода мутная, я старался не замечать, зная, что вскоре она станет чистой, как слеза ребёнка. Настаёт самая пора рыбалки.

Я знал, что моё озеро сейчас полно рыбы, набившейся туда от шума и шороха трущихся и ломающихся льдин. Ещё малой весной я, пройдя по льду на другую сторону, протянул двойную капроновую верёвку с блочком на конце, а сейчас осталось закрепить сеть с крупной ячеёй и протянуть её на ту сторону, притопив её до дна. Эта приятная работа для

лентяев, и, сделав это дело, можно завалиться на нары в избушке, и предварительно тяпнув ковшик браги, и включив транзистор, помечтать об Ульке, которая на днях обещала перебраться ко мне.

Для якутки Ульяна (Улька) была слишком красивой – русская кровь и якутская сотворили эти раскосые глаза с длиннющими ресницами и белое, крепкое тело. Видно, мать природа выложилась, творя эту красоту с бесстрашным и язвительным характером днём и полным нежности и страсти ночью.

Я её помню ещё угловатой девчонкой, которую в азарте погони, я чуть не затоптал конём. Она тогда состроила мне глазки, показала язык и, засмеявшись крикнула: «А ну, догони!». Я в это время купал коня, и мы с ним плыли как одно целое, я только держался за косматую гриву, потом конь почувствовав дно стал выходить из воды, и я, не теряя момента, уже оказался на нём.

Ну, Ульяна, держись! Я вылетел на берег и погнал по мари, надеясь, что она подалась в старое зимовьё, и по дороге к нему я не стал огибать небольшой овражек, а просто, дав коню толчок корпусом и голыми пятками, перемахнул овраг как птица, почти в это же время услышав девчачье «ой!».

Откуда я знал, что она притаилась в том овражке, а конь своими копытами едва не проломил ей голову, боже, как же я испугался; вот дурак, нашёл себе забаву за малыми якутками гоняться. Соскочив с коня, я кинулся её успокаивать, ду-

мая, что она сильно испугана, но она, неумело чмокнув меня в щеку, крикнула: «Дурак!», опять показала язык и унеслась молодым ветерком в сторону своего становища.

Я постарался выбросить из головы это происшествие. Ну поиграли, ну поцеловала девчушка, ну и что из этого? Она ведь ещё совсем ребёнок, но, как я потом убедился, уже с вполне сформировавшимся характером и совсем не детскими желаниями. И спас меня от позорного грехопадения мой внезапный отъезд и, как оказалось, на довольно продолжительное время.

Вернулся я, когда Ульке уже было за двадцать, и это уже была не та худая сахалярочка, а красивая молодая женщина, которая может вскружить голову не только якуту или эвенку, но и любому русскому, которым я и оказался. Я ведь собирался просто навестить так понравившиеся мне когда-то эти дикие места, а застрял на две весны. Улька, как и я же, оставила в Якутске учёбу и все свои дела, а значит, и своё будущее, пожертвовав всем ради меня.

Но мы, став старше, понимали, что ничего у нас не получится, она уже не хотела той таёжной жизни, которой жили её родители и все их предки, она познала город и совершенно другую жизнь, полную возможностей и перспектив. Я, в отличие от неё, не стремился в цивилизацию, от которой так благополучно сбежал, и у меня не было желания возвращаться к прошлому. О будущей разлуке мы не говорили, но понимали, что это неизбежно, и эта весна неожиданно стала

тем Рубиконом, который нам предстояло перейти.

Как и следовало ожидать, Улька не пришла ко мне ни в этот день, ни в другой, а на третий день я, всё поняв и почувствовав сердцем разлуку, собрав свои нехитрые пожитки, переправился на ветке (лодка, сделанная из цельного ствола ели) через свою речушку и неспешно двинулся к стойбищу на самом берегу Аллах-Юня.

У аборигенов, якутов и эвенков, я не стал спрашивать об Ульке, но они немногословно лишь одобрили её поступок: «Однако, паря, вы не пара, и разные у вас тропы, у тебя один дорога, у неё другой дорога, а сразу по двум тропам не пойдёшь, а тебе она передала вот это». И старый эвен Колька протянул мне связку медвежьих когтей, нанизанных на капроновую нитку, ожерелье-оберег.

Это были когти когда-то убитых ею медведей, а когти двух убитых мною мишек она оставила себе, сказав, что так будет вернее оберегать друг друга. Всё, что у меня было нажитое за эти два года: капканы, ружья, боеприпасы, спальники и ещё многое другое, я велел им забрать себе и разделить по-братски, не трогать только то, что отобрал для неё, чтоб однажды, приехав с детства в родную тайгу и обязательно зайдя в свою избушку, она поняла, что я её любил, люблю, не осуждаю и всё понимаю.

Выпив принесенной мной крепкой браги, мы в последний раз всей толпой пошли на берег, столкнули на воду дюральку с мотором, нас оттолкнули от берега, и быстрая вода понесла

нас, но вот мотор с третьей попытки завёлся, и мы полетели к другому берегу. Толпа молча смотрела нам вслед.

Теперь мне предстояло пройти километра три по старой, почти исчезнувшей дороге, до приисковой трассы, а там сорок км до Эльдикана, который стоит на высоком берегу Алдана. Если повезёт – будет попутка, если нет, то по местным понятиям сорок км – это не расстояние, можно и прогуляться, лишь бы медведь на трассу не вышел; он уже встал из берлоги, и сейчас отощавший за зимнюю спячку, голодный и злой. Держа на всякий случай заряженную ракетницу, которую нужно будет передать в посёлке Колькиным землякам, я бодренько шлёпаю по дороге.

Вспомнив о медвежьем ожерелье, обереге на шее, я начинаю свободной рукой перебирать медвежьи когти, и почти сразу сзади послышался натужный рёв автомобильного мотора. Это он ещё поднимается на перевал, потом вскарабкавшись, он остановится и будет плеваться паром, пока водила не дольёт из ручья водички. Но вот и он, старый приисковый «Газон», ну а дальше всё идёт как по расписанию: длительный перекур, обычный мужской трёп, предупреждение, что у дороги видел прошлогоднюю медведицу с двумя уже подросшими медвежатами-пестунами, ещё немного воды в радиатор, и мы покатились почти к самому Алдану. В посёлке захожу к давно знакомым аборигенам, передаю приветы, просьбы на будущее о боеприпасах, отдаю нехитрые гостинцы и ракетницу с патронами.

Ну и, как водится, ставлю на стол, купленную в лавке по дороге, водку, по-другому здесь нельзя; несколько лет назад они угощали меня медвежатиной и водкой, и не столь важно, что это было давно, важно то, что я давно стал для них своим, я стал им другом.

На другой день я вылетаю в Якутск, и можно было бы найти там мою Ульку, но зачем – ведь я опять пролётом.

Это был не сон и не видение, это был лишь маленький отрезок времени из давно прожитой жизни, в которой я пытался убежать от себя, что-то найти, но всё больше растрачивал и терял. Я понял, что душевный покой обретают не на земле и не в этой жизни. Человеку свойственны многие недостатки, грехи и пороки, которые были дадены Творцом нашим прародителям Адаму и Еве, а всё человечество – это их потомство, поэтому полного душевного покоя никому из живущих на земле испытать не суждено. А грехопадение пошло с райского сада Эдема. Ну не смогли наши предки жить без секса и правильно сделали, а змей-искуситель – он есть змей, и так до сей поры мы, радуясь, грешим, а потом замаливаем наши грехи, чтоб опять сладко согрешить и искренне помолиться.

И обратного адреса не давай!

После окончания сезона я получаю расчет на прииске Иныкчан, и с теми же двумя кентами нас опять везут по перевалам, через речушки, ручьи в сторону р. Алдан, в посёлок Эльдикан. На каждом подъеме стоим, вода в радиаторе кипит, доливаем из ручья и едем дальше. Водила не объезжает ни одной кочки. И если на перевал мы вползаем, то с него слетаем ласточкой, у машины нет тормозов. Проклиная шоферюгу и его агрегат, мы всё же добираемся до поселка, не очень здоровые, но живые.

До Якутска нам предстояло лететь на АН-2, то есть на «кукурузнике». Лавируя между (опять же) коров, которые паслись на полосе, мы кое-как взлетели, расплескивая жидкие коровьи лепешки. Коровье дерьмо оказалось на брюхе самолета и крыльях, но никакого шарма это воздушному лайнеру не придало. Я не зря уже несколько раз упоминаю о загаженных взлётках. Ну любят коровы, спасаясь от таёжного гнуса, выйти из тайги и полежать на ветерке взлётного поля, пережёвывая свою жачку.

Летуны тоже собирали все воздушные ямы до Якутска, и временами казалось, что после очередного нырка мы больше не вынырнем и будем «сыпаться» до земли, это как на море, только страшнее. В Якутске мы еле сходим с нашего «аэробуса» на полусогнутых, дрожащих ногах, из десяти пас-

сажиров облевались почти все. Брр!

Мы стойко, как и подобает бывшим морякам перенесли штормягу в воздухе, в карманах у нас шуршит валюта, и есть желание хорошенько гульнуть! Моя мама всегда говорила, что простота хуже воровства, но я не внял её словам. Гульнули мы хорошо, даже чудесно, но почему-то везде рассчитывался я один, и, как результат, остался пустой, как бубен шамана. Кенты мои, поняв, что пир окончен и я без денег, собрались на «отрыв» и купили билеты на материк, хотя планы у нас раньше были общие и совсем иные. Я их не осуждал, бог с ними! Я ругал только себя за то, что вовремя не смог разглядеть в них гниль. Ничего я им не стал говорить и проводил их на посадку. На прощание они попросили написать им, сделать вызов, если я что-нибудь найду стоящее. Вот такто!

Когда через несколько лет я приехал в отпуск, мой бывший кореш, глядя на меня, на то, как я легко за один раз трачу его месячную зарплату, спросил меня, как попасть туда, где я сейчас работаю. Мой ответ был прост: «Езжай опять в Якутск глубокой осенью, окажись без копейки денег, заболей, а потом „воскресни“, как и я же, поголодай, померзни, и ты попадёшь в то место, где и я. Только меня там уже не будет, потому что я не хочу жить и работать рядом с предателем». Жёстко? Возможно!

Ну а пока я в Якутске без денег, больной, в летней одежонке. В теле слабость страшная, в голове стоит звон, слезы

из глаз и из носа, перед глазами какие-то мошки летают. В голове одна мысль: «Что дальше делать, куда податься?» Пристанища, кроме аэропорта, у меня нет, но нет у меня и отчаяния, нет и паники. Я точно знал, что всё у меня «устаканится», всё устроится, нужно только очухаться, на ноги встать. Руки, ноги есть, голова на месте. Не пропаду, выживу!

Тут, объявили о закрытии порта по метеоусловиям Якутска. Повалил снег, началась пурга, народу, как сельдей в бочке, духота, люди стоят, сидят, лежат на полу и на чемоданах. Накануне прибыли рейсы из Оймякона, Ленска, Нижнеянска, Мирного, в общем, весь Север застрял в порту Якутска. Я сижу в кресле, запихнув тощий рюкзачок под низ и прикрыв ногами. Иначе нельзя – ворье уведёт сразу. Насмотрелся за эти несколько суток, как они «работают».

Все эти дни я ничего не ел и не пил. И вот что плохо – почти все эти дни был в каком-то забытье или бреду. Вроде очнусь или проснусь и опять куда-то проваливаюсь. Но, видимо, кризис миновал, и мне стало легче, организм боролся, и молодость брала своё. Я никогда не был слюнтяем и был, думаю, достаточно закален и душевно, и физически прежней жизнью.

Где-то на третий день ко мне подходит парень не намного старше меня, лет 27—28, спрашивает, чем он может мне помочь. Отвечаю, что ни в чьей помощи я не нуждаюсь и свои проблемы привык решать сам. Я раньше видел его, он сидел напротив меня и, видимо, поневоле наблюдал за мной и при-

шел к выводу, что я в беде, что, в общем-то, и было недалеко от истины. Он объясняет мне, что решил сходить в ресторан и пригласить меня для компании, а там и поговорить, познакомиться.

Кинуть что-нибудь в желудок было бы неплохо, тем более, после такого длительного вынужденного поста, и я соглашаюсь. В ресторане я, отказавшись от спиртного, наелся, хотя это и было опасно с голодухи. Он немного рассказал о себе. Работает он в Верхоянске, морозы там у них за минус 60С. Сейчас у него отпуск за три года и денег, как у дурака махорки, и он собирается потратить их красиво. Конец сентября ещё пока бархатный сезон и всё ещё тёплое море, фрукты, вино, шашлыки, ну и, конечно, красивые, нежные женщины. Это была его голубая мечта, за которую он и горбатился на северах.

После его рассказа и я немного рассказал о себе. Парень он был дружелюбный и с понятием. Я сказал, что хочу улететь в Сангары, но не знаю, зачем. Мне просто понравилось название посёлка и то, что он находится на Лене, а значит, у меня, возможно, будет шанс устроиться на флоте. Билет на самолет стоит 20 рублей, которых у меня не было. Несмотря на мои протесты, он дает мне 50 рублей и говорит: «Это тебе на билет и на первое время, пока устроишься». Я спросил: «Куда мне выслать деньги, когда они у меня появятся?» – «А никуда не нужно высылать! В своё время мне так же помогли и адреса обратного не дали. Сейчас я помо-

гаю тебе, а ты тоже поможешь кому-то, кто будет нуждаться в этом и адреса своего не давай, а скажи ему такие же слова. Лады?» С тех пор я многое повидал, много по жизни кому помогал и повторял слова того хорошего парня: «Если кто-то будет в беде, помоги ему, не жди благодарностей и не давай обратного адреса».

Грабёж по-сангарски

По прилету в Сангары, пока были деньги, жил в гостинице под названием «Сангар». Как не удивительно, но здесь в поселке, затерянном на просторах Севера, был и плавательный бассейн, и ресторан, и пивбар, и свой пивзавод. Так что никакой дырой он не был. Все бы так жили по северам, как сангарцы. Первое время, пока не нашел работы по душе, мне пришлось долбить, убирать помойки, работать с шабашниками (25 руб. за 16 часов), в порту выгружать самолеты, охранять какие-то склады.

Однажды в гостинице познакомился с хорошим парнем Мишей, он прилетел сюда из Ижевска и тоже в поисках лучшей доли. Правда, в отличие от меня, он твердо знал, что ищет и хочет в этой жизни, и мой авантюризм он не приветствовал. У Миши был «сродный» брат, который работал зоотехником где-то в этих краях, в оленеводческом совхозе, но где именно Миша не знал толком. Он и прилетел сюда в надежде обрести брата и получить от него не только совет, но и помощь. Деньжата у нас постоянно то кончали начинаться, то начинали кончаться, есть у них такое свойство.

С едой совсем было плохо, отощали мы, озлобились, глядя, что на крышах сараев лежат ободранные оленьи туши, а в другой раз и просто прислонённые к стене пристройки или дома. И даже собаки лежат рядом, не грызут, не трога-

ют то мясо. Забыв на время про совесть и слыша только пустые урчащие желудки, мы подались с Мишаней на «дело», то есть на «охоту». На улице темно – полярная ночь уже наступила, время два часа ночи. Скрипим пимами по снежку, выглядывая в свете редких фонарей оленью тушу побольше. А, может, сразу и две? (Раскатали губу). Ага, взяли! Аж три! Собаки такой хай подняли, будто белый медведь в поселок зашел. Спасаясь от этих сытых озверевших тварей, мы забежали в открытую дверь какого-то двухэтажного дома и моментально захлопнули дверь перед носом этих волкодавов. Присели на какой-то рундук, стоявший в тамбуре подъезда. Закурили, сидим, ждем, пока эти блохастые снимут осаду и разбредутся по своим домам, зароются опять в снег и, прикрыв свои носы пышными хвостами, будут досматривать свои собачьи сны. Мы сидим, курим, обсуждаем свои дальнейшие действия: либо мы ещё раз рискнём, либо вернемся в общагу не солоно хлебавши. В тамбуре горела тусклая лампочка «Ильича».

Уже выходя, мы обратили внимание на ящик, на котором сидели, и то только потому, что звякнул большой амбарный замок, который был продернут в петлю, но не закрыт. Открываем… Это был ларь для мяса, вместо холодильника. Мы сидели на мясе, прекрасном, вкуснющем мясе. Там стоял громадный эмалированный таз с фаршем, как потом выяснилось, это была оленина со свининой. Лепота, живем, значит! Хватаем этот подарок судьбы, свиную ногу в придачу, по-

скольку посчитали, что это запчасть от фарша и попросту не влезла в тазик, оставлять её одну на морозе – это не порядок.

Оглядев пустынную улицу, мы рвём когти, унося богатую добычу. Если бы в тот момент все поселковые собаки кинулись за нами, то им бы ничего не обламилось, они бы нас попросту не догнали. Ну, вот и общага. Залетаем в комнату, шарим в тумбочке сковородку. Настрогали, наковыряли ножами на сковородку мороженого фарша, а в кастрюле поставили вариться кусок свинины, отпиленный Мишкиной ножовкой, решив, что это уже будет на завтра. Нашли мы в общаге и полбулки хлеба. Ужин готов! Сидим, кайфуем, честно украденное мясо в горле не застревает, запиваем бульоном. В эту ночь нам было тепло и хорошо, С неделю мы живем, как тузы, а тут нам еще аванс подкинули. А много ли человеку нужно для счастья!?

Со временем житуха наша вроде наладилась, с деньжатами она везде жизнь в жилу. В общаге мы хоть по-прежнему на ночь и ставили под койки электроплитки, но на полу у нас теперь как в юрте был постелен толстый войлок. Ужинать мы ходили в ресторан, холостяки все там по вечерам тусовались. Познакомились и с девахами, начали посещать кино, ходили и на концерты якутских артистов, гастролёров, в бассейн, иногда для разнообразия или, наоборот, для безобразия, ходили и в пивбар. В общем, мы стали жить, как и все, и пока такая жизнь меня лично устраивала, хотя я точ-

но знал, что такое благодушие у меня будет только до весны. Так уж, видно, я устроен, не могу, когда всё у меня в жизни хорошо, тихо и спокойно, весной или летом, мне обязательно нужно во что-то вляпаться, в какую-ни будь хренотень. Так оно и случилось, но об этом потом, потому что вся моя жизненная эпопея состоит из «потом».

Однажды выходя из бара, Мишаня вдруг кинулся на шею какому-то чуваку с пивным бидончиком в руках: «Колька, братан, я тебя уже сколько месяцев ищу!». Ну и пошло-поехало, уже и пиво в бидончике замёрзло, а они всё никак не могут наговориться. Я уже опять подался в пивбар греться, и только потом они очнулись. Нас пригласили на застолье в ближайший выходной, на том и расстались. Подошли выходные, и мы с Михеичем рулим по сказанному адресу, идём по той же улице, подходим к тому же дому и подъезду, проходим мимо деревянного ларя, откуда мы в своё время упёрли мясо, стучим в обшитую войлоком дверь, которая тотчас открывается, нас ждут давно. Заходим, кланяемся, ручкаемся, знакомимся, моем под рукомойником руки, и дружненько все за стол, кроме хозяйки, конечно, она сейчас и за нападающего, и за вратаря, а мы все, выходит, штрафники.

Сейчас на столе полный порядок: рюмки, фужеры выстроены по краям стола, ближе к центру, теснятся тарелочки с закусками, малосольная рыба, грибочки, сало с чесночком, домашняя ветчина горой на тарелках, бочковые огурчики с помидорами, тут же и капуста соленая с брусникой, присут-

ствует и студень с хреном. В центре стола, раздвинув графины с ягодными морсами, хозяйка ставит жареную свинину, большими кусками, отварную картошку и большой таз с дымящимися пельменями, размером с детский кулачок. В больших и малых бутылях самогон на травах, кедровых орешках, ягодах.

Тут и гонг прозвучал, то есть звон бокалов. После усердной дегустации всех этих напитков нам стало немного не по себе. Решили выйти отдышаться и покурить, вышли в тамбур и присели на тот самый ларь, из которого мясо «свистнули», а стыд так и прёт из нас. Неудобно, конечно, – нас встречают, угощают как людей, а мы, получается, где нагадили, туда и жрать пришли. Тут и хозяин жалуется нам, что у него недавно из этого ларя кто-то тазик фарша «увёл». Сейчас вот стал на замок закрывать. Про свинячью ляжку он даже и не вспомнил, а нам с Михеичем пришла пора покаяться. Мы честно рассказали ему про ту ночь, как это получилось и почему. Повинную голову меч не сечет.

Он искренне похохотал и сказал нам, чтобы мы бабе не вздумали говорить, у неё напряг с юмором. Вот только тазик верните, её любимый, с цветочками. Погуляли мы в этот вечер крепко. Хозяйка ушла спать, а мы ещё долго куролесили. Стол уже напоминал поле битвы, ряды бутылок, судков, тарелок, закусок здорово поредели. Как только дошли до общаги? Утром, продрав глаза, мы обнаружили на столе мясо, рыбу, курятину, и полмешка картошки. В углу комна-

ты, у дверей стояли небольшие нарты. Вот тут-то мы испугались?! Неужели мы опять всё это где-то увели?! Тут пришел Мишкин братан за тазом и нартами, принёс с собой «лекарство». Эта вся благодать на столе – его подарок. Разобрались, посмеялись и решили, что жизнь удалась!

Якут, олени

Это я просто вспомнил небольшой, и, на мой взгляд, интересный эпизод. Проходим с Михаилом мимо ресторана, под фонарём якут, приехавший на запряжённых в нарты двух оленях, изрядно пьяный готовится к забою одного оленя на продажу. Он выпил, но, видимо, мало, значит, надо «догнаться», убийство рогатого красавца с печальными глазами смотреть мы не стали, такие вещи я уже видел, и хотя сам мясо ем с удовольствием, но сцена убийства внушает мне отвращение, даже если и по надобности. Идём обратно в ресторан, олень уже ободран, туша разделана на части одним ножом, а продавец вовсю рекламирует свой товар, от которого ещё идёт пар, он ловко отрезает ленты оленины и с удовольствием поглощает мясо сырым, без хлеба, без соли и с хорошим аппетитом.

Уже вечером и второй олешек. и сами нарты было проданы, а якут исчез в неизвестном направлении. Всем известно, что у северных народов наблюдается полное отсутствие иммунитета от алкоголя, и ради водки, выпив сто грамм, они готовы и на унижения, и на что угодно, вплоть до убийства. Я много лет с ними общался. Они безобидны, наивны и простодушны, как дети, только не нужно их обижать, ведь он могут быть и другими, они тоже люди, но тот образ жизни, который они ведут, за столетия наложил на них свой отпе-

чаток. Проведя в ресторане приличное время и употребив приличное количество пива, меня потянуло на природу, потому что «удобства» были только на улице. Вышел на задний двор, со свету ничего не видно, но я сразу пристроился за углом и почти сразу почувствовал громадное облегчение. Тут прямо у меня из-под ног раздался уже знакомый голос: «Эй, паря, зачем на меня поливаешь, я так ведь к утру примёрзну». Я зажигаю спичку и вижу среди кухонных отбросов и собак уже знакомого якута: «Ты, мужик, что совсем охренел? На помойке, среди собак, замёрзнешь ведь». – «А я в кухлянка, в ней тепло, не замёрзну, а собаки, чо собаки? Якут чо ли не собака?» Пусть простят меня якуты, за этот эпизод, но из песни слов не выбросишь.

Гоп-стоп по-якутски

В Сангарах, как во многих северных селениях в советское время, был свой быткомбинат. Вернее, ателье, где помимо множества услуг, вам могли пошить шапку из собаки, ондатры, песца, а то и соболя. Могли и шубу «сварганить» из того, чем вы располагаете. Шьют и торбаса из оленьего или сохатиного камуса. Это участок кожи с коротким и густым мехом, от колена до копыта. Торбаса получаются лёгкими, тёплыми и красивыми. Стоили они в ту пору около сорока рублей. Как-то жена моего коллеги по работе в Сангарской нефтеразведке решила слетать в Якутск, чтобы купить что-то себе, детям, мужу, ну и вообще, как сейчас говорят, заняться «шопингом». Для женщины с деньгами – во все века, это всегда было святое дело и громадное удовольствие.

Дело было осенью, уже снежок выпал да и мороз в октябре обычное дело. Якутия, одним словом! Прилетела дама в Якутск, нанесла визит знакомым, у которых решила остановиться, и ломанулась по магазинам. Накупила всем и всего, очень довольная отвезла купленное на квартиру, похвалилась перед хозяевами товаром. Попили «чайку» по рюмке, другой. Счастливая женщина решила прогуляться перед сном по вечернему Якутску. Гуляет женщина по улицам большого города, скрипит новенькими, затейливо украшеными бисером, торбасами по снежку, хорошо ей от этих

удачных покупок, от «рюмок» чая и хорошей погоды и от того, что завтра опять полетит в Сангары к мужу и детям.

Через некоторое время она заметила, что за ней следуют два бородатых амбала. Запаниковала бабёнка, рванула от них сдуру куда-то в темноту, бежала, даже не в силах заорать, позвать кого-то на помощь. Нырнула в какую-то подворотню, а там тупик. Ну, все! Отбегалась, отжила! А тут и они, здоровенные, страшные – стоит женщина, окаменела. Один бандит спрашивает: «Мадам, у вас какой размер обуви?» – «Тридцать седьмой», – пролепетала она. Один другому говорит: «У меня глаз-алмаз, я же говорил, что это то, что нужно». Другой достает из-за пазухи валенки: «Давай-ка, уважаемая, быстренько переобувайся, пока валеночки теплые».

А у той мысль в голове: «Значит, не убьют, раз переобувают и насиловать меня мокрую не станут, как хорошо, что я омочилась от страха». Бандиты сами переобули её в валенки, забрали торбаса, дали ей 200 рублей со словами: «Прости нас, северяночка, на эти деньги ты купишь три пары такой обувки, а нам наши жёнки сказали не приезжать без торбасов, вот так вот! Одну пару мы раньше нашли, а сейчас вот у тебя „купили“. Прости, если напугали». Вывели почти к дому, проводили, чтобы ненароком кто не обидел и исчезли в темноте. Вот такая история с гоп-стопом. Думаю, что этими «купцами» были запоздалые старатели.

И носило меня как осенний листок. Лихие девяностые. Золото разведка

В 1995 году, вернувшись с Колымской старательской артели».. беда» покалеченным и нищим, я недолго скулил и зализывал раны. Мне надоело перебиваться случайными заработками и надеяться бог знает на что. Жизнь в городе кипела, торговые точки по всему городу росли как грибы и также быстро сгорали в огне, благодаря конкурентам или просто были сожжены бандитами за отказ за «крышевание». Но на пепелищах возникали новые, ещё более просторные и богатые, и уже не «Комки», а «Маркеты» они сверкали зеркалами витрин, заманивая покупателей заморскими деликатесами: «Кока-колой», «Марсами», «Сникерсами», и всяко разными разносолами в ярких упаковках.

Забирая сынишку из садика или просто гуляя по улице, я старался как-то миновать эти злачные места, потому что не мог купить ребёнку даже шоколадку. Но иногда сын дёргал меня за руку, вопросительно смотрел на меня и молча кивал на светящуюся витрину со всякими вкусностями, я объяснял ему, что денег у меня пока нет, но как только они появятся, наберу ему кучу всякой вкуснятины. Сынишка только вздыхал, и мы шли дальше. Он никогда не устраивал ис-

терик, он всё понимал, но мне от этого было не легче, это было как серпом по «одному месту».

Случайно прочитав в газете объявление о наборе рабсилы, я опять поставил на кон свою судьбу и рванул за удачей в Читинскую старательскую артель «Ключи». На улице конец ноября, зима в разгаре, о каком золоте может идти речь, и мы не старатели Клондайка, нашедшие золотую жилу в шахте или глубоком шурфе, где можно вести добычу круглый год. Я ехал в надежде устроиться бурильщиком в золото разведку артели. Позади у меня годы и годы работы в нефтегазоразведке Туруханска, Эвенкии и Тюменской области, Якутская артель «Ыныкчан», и Колымская старательская артель Усть—Среднекана, Амурская тоже пролётная артель именуемая остряками «Чих-пых», а теперь вот ещё и золото поищем, судьба, знать, такая, не отпускают недра.

Артель оказалась богатой, только вот платить по-человечьи там тоже не стремились, а старатель, как и в любой другой артели, был батраком, чьи трудодни зависели не только от добычи презренного металла, но и от многих других факторов. Это, может быть, и элементарная скупость, и просто каприз или дурное настроение хозяина, председателя артели.

Буровые установки были канатно-ударными, я с ними был знаком, но самостоятельно на них никогда не работал, поэтому меня взяли только помощником бурильщика. Но и то ладно, ведь в противном случае обратно уехать мне было

не на что, а податься зимой больше некуда, тупик. С неделю я «окалачивал груши» на базе артели, где за высоким забором охранников было больше, чем блохастых «женихов» на собачьей свадьбе.

Это была настоящая зона, да и «Сам», имею ввиду председа артели, плюгавый, хитрющий мужичишка жил за высоченным, двойным забором, между которыми по ночам бегали овчарки с охранниками на поводках. Это была запретка, на которой могли и застрелить, если ненароком попадешь туда.

Я ничего не имел, у меня кроме моей трудной жизни ничего не было, и всё, что я видел, казалось продолжением страшного сна, навеянного рассказами старых узников ГУЛАГ, колымских лагерей. Заборы с колючкой по верху, вышки, озлобленная как овчарки злобная охрана. Мне нечего было терять, я не потел по ночам от страха, что меня обворуют или убьют, и я сам уже был на пределе и готов был пойти на всё, кроме предательства, хотя и сознавал, что соверши я в отчаянии что-то нехорошее, никогда не простил бы себе этого. Никакое оправдание не будет оправданием, пойди я против себя и своих жизненных принципов. Всё в жизни делается ради чего-то, реже ради себя любимого, но чаще ради кого-то, и это всегда оправдано.

Никому нельзя желать зла, а тем более причинять его, но не все так думают, оттого и идёт в стране беспредел, и не зря богатенькие «Буратино» возводят замки с высокими

заборами, колючкой, сигнализацией, прожекторами, с собаками-охранниками и охранниками собаками. В девяностых похищение с целью выкупа было в порядке вещей, впрочем, как и убийство, так что не зря боялся наш «мухомор», воздвигая свою крепость. Хотя, как говорят англичане: «Мой дом – моя крепость», но одним домом жив не будешь, жене босса нужно в магазин, детям – в школу, самому тоже на работу, даже если это и через дорогу, везде нужна охрана, без неё опасно и ох как страшно.

Если я чего-то и не понимал в то время, так это – само время, отличное от времени Советской эпохи, мы ведь были воспитаны в другом духе, мы понимали слово долг. Родина. В нас был неподдельный энтузиазм, патриотизм, мы были детьми того строя, того времени. После развала Союза у нас будто ушла почва из-под ног, мы не могли привыкнуть, понять, вписаться в новый образ жизни, в народе шла переоценка жизненных, моральных и материальных ценностей и принципов. Даже после смерти Сталина не было в стране того хаоса, как в начале девяностых. И я, и многие в стране были далеки от той возни вокруг «прихватизации», раздела сфер влияния и т.д., и т. п. Этим был озабочен криминал, чиновники и остальные, имущие власть и деньги. Нам, «люмпенам» просто нужно было выживать и выжить, несмотря ни на что, как впрочем и всему народу России.

О покойниках принято говорить либо хорошо, либо ничего. Но многими нашими бедами мы обязаны меченому дья-

волом Горбачёву, ущербному «царю» Борису, не Годунову, конечно, а тем, кто в ту пору рулил вместе с ними. Никто из них ни за что не ответил, а ведь все их «подвиги во благо» были величайшим преступлением века. И да не будет никогда о них светлой народной памяти, лишь хула на их голову и проклятья даже живым, а их и сейчас ещё много, и все опять у власти, а не на тюремной шконке.

Сам лезу в капкан

Все эти мысли бродили в моей голове, пока я без дела ошивался на базе артели и пока меня не известили, что на участок, где мне предстояло работать, едет «Урал», и нужно быть готовым к отъезду в любой момент. Как словом, так и делом, и на другой день ещё затемно мы тронулись в путь.

Сначала едем вдоль железной дороги, нас обгоняют поезда, идущие с востока, я вглядываюсь в окна вагонов, за стёклами которых едут куда-то спешащие люди. Что заставило их тронуться в путь, от кого или к кому они едут, что потеряли или что ищут они? Я их понимаю, я чувствую даже какое-то родство с этими странниками и мысленно желаю им доброго пути. Встречные, спешащие с запада, сначала слепят нас огнём прожекторов, потом с грохотом и рёвом пролетают мимо, изгибаясь на поворотах, как гигантская гусеница с тремя огненными глазами. Я даже на расстоянии чувствую мощь тепловоза, жар, исходящий от сотен лошадиных сил, загнанных в сердца дизелей, в их цилиндры.

Сворачиваем от железки в сторону и начинаем взбираться куда-то на сопки. Сразу стало слышно, как натужно ревёт наш движок. Не подведи нас, родной, ведь с этой сопки, в случае чего, кувыркаться нам долго придётся. Рассвело, если этот полумрак можно было назвать рассветом, сопки меняются на низины с ручьями и речушками, через кото-

рые нужно переправляться, иногда встречаются хилые, наверное, ещё со сталинских времён мостки, страшновато, но, перекрестив лбы, преодолеваем и их. Вокруг пошла чахлая с перелесками тайга, без каких-либо признаков жизни: ни пташки не видать, ни какая зверушка не пробежит, а это наводит уныние и скуку. Это вам, господа-товарищи, не Якутская или Амурская тайга, а Читинские болота, низины с ручьями, да лесные проплешины, что больше похоже на Колыму или на какую-то другую, чужую планету.

Старатели-искатели

Уже под вечер въезжаем в посёлок, раскинувшийся у железной дороги, где нас встречает свора псов, которые не жалеют своих глоток и пытаются прокусить нам колёса. Шофёр рассказывает, что здесь в основном живут люди, так или иначе связанные с ж. д. Кто-то из них работает и держит крепкое хозяйство, кто-то живёт охотой, браконьерством, перебивается шабашками и мелким воровством. Они тоже держат домашний скот и птицу, но огороды у них заросли лебедой да лопухами, эти работой себя особо не утруждают. Они, как везде принято в деревнях, даже самогон не гонят, зато в этом посёлке в каждом доме стоят канистры с «шадымом», техническим спиртом, происхождение которого покрыто мраком.

В местной лавке мы успеваем купить мешок хлеба, десяток бутылок водки и, что удивительно, сигарет с фильтром, потому что местные предпочитают смолить «Приму» или махру, смешанную с самосадом. Потом под истошный лай собак выезжаем из посёлка, и катим дальше по уже замёрзшей лесной колее, вылезти из которой почти невозможно. Одолев за час эти пять или шесть км разбитой, фронтовой дороги, подъезжаем к базе разведчиков. База – это продуктовый лабаз на высоких пеньках от спиленных деревьев, пустой вагончик на колёсах, банька по-чёрному и зимовьё, срубленное из неошкуренного кругляка и кишащее жирны-

ми вонючими клопами, прелесть общения с которыми я испытал чуть погодя.

В зимовье от стенки до стенки высокие нары, сделанные из тонких жердей, длинный стол, сколоченный из толстых досок, по обеим сторонам стола две лавки из таких же досок. В углу стоит печь из обрезанной наполовину железной бочки, за ней в том же углу прибит к срубу рукомойник, с загаженным тазом под ним. Около печки и у торца стола прорублены маленькие оконца с мутными, засиженными мухами стёклами. Сквозь щелястый из толстых плах пол виден снег, иней. Температура там, как и на улице, но мыши пищат и шебуршат под полом, будто летом и мороз им в кайф. Вот, кажется, и весь колорит, и интерьер той таёжной общаги.

Знакомимся, я пытаюсь сразу запомнить имена моих коллег, но вместо имён у меня в памяти остались только профессии: геолог, бурильщик, тракторист трелёвщика, дизелист электростанции и шофёр ещё одного «Урала», который стоит засыпанный снегом. Я буду шестым в этом экипаже. Водила, который меня привёз, сославшись на срочность, шустренько выкинул из кузова продукты и запчасти, дал по газам, и только мы его и видели. Он побоялся, побрезговал даже зайти в нашу зимовуху, выпить кружку чая на дорожку, клопы – это не шутка. Ну а нам деваться некуда, будем терпеть, бороться и побеждать – таков наш девиз. В тот день мужики не работали и маялись похмельем, так что водка, привезенная мной, оказалась весьма ко времени. Пока вы-

пили, закусили тем, что бог послал, поговорили, стемнело, пора и на покой. Какой к чертям собачьим покой? Я знал, что такое клопы, но что их может быть столько и таких злых, не ведал.

После кошмарной ночи, сполоснув помятые рожи и едва глотнув мутного чаю, мы взгромоздились на наклонный щит трелёвщика, и понеслась душа в рай. Это было родео на бешеном стальном быке, который рычал, прыгал и летел по сугробам сквозь кусты и валёжник, таранил наледи и превращался в ледокол, который пёр, разбрызгивая ледяное крошево во все стороны. Через полчаса, заложив крутой вираж и едва не сбросив нас на торчащие из-под снега пеньки, он заглохнув, застыл как изваяние. Он «сдох» и, как потом оказалось, на долго.

Дизелист начинает греть масло в картере движка электростанции, мы разводим костерок, ставим греть замёрзшую в железной бадье воду, курим и пытаемся унять дрожь от холода и вибрацию организмов, заразившись ею от почившего в бозе трелёвщика. Но вот оглушительно и резко затрещал пускач, задубевший движок нехотя проворачивается, пуская в небо чёрные, пока ещё холодные кольца. Дизелист суёт ему в «хайло», то есть во всасывающий коллектор синее пламя лампы, и пах, пах, пах, пошёл родимый, застучал ровненько и успокаивающе, будто говоря: «Я вам не та железяка с «гузками», я – дизель-генератор, и всё будет у нас с вами тип-топ.

Бурила Юра перегоняет буровой станок на новое место,

на косогоре долго выставляемся, центруемся, потом забуриваемся. Полуторатонный снаряд молотит в одно место, пробивая осадочные породы, стремясь скорее добраться до золотоносных песков. Через определённые интервалы мы желоним скважину, черпаем пульпу, выливаем её в железную бадейку, геолог начинает лотком промывать пульпу, определяя содержание золота, записывает глубину залегания пробы, наносит на карту месторождения. Очень важно определить рентабельность, то есть содержание золота в граммах на куб породы, и есть ещё много факторов, влияющих на определение, стоит ли овчинка выделки? Но то уже не наша забота.

Пашем до обеда, потом тащимся пешком по тем же кустам, бурелому и наледям. Наледь – это когда грунтовые воды, несмотря ни на какие морозы, выливаются из-под земли, долго исходят туманом, превращаясь в желеобразный лёд, ходить по которому трудно и опасно. Едва таща ноги, проклиная всю «самую лучшую в мире, могучую советскую технику», мы вваливаемся в свою зимовуху, где стоит запах подгоревшей еды и чего-то кислого и противного. Повара у нас нет, поэтому готовить будем по очереди, и у каждого из нас будет возможность блеснуть своим кулинарным талантом.

Очередной дежурный кок, превзойдя самого себя, пытается накормить нас раскисшими макаронами, сваренными в холодной ключевой воде, и баландой, сваренной из кислючей, непромытой капусты под названием «шти по-таёж-

ному». Попробовав «яства» и пообещав автору, что если и ужин будет таким же, вылить всё ему на голову; мы попили чаю с мёдом и мёрзлым хлебом и голодные опять потащились на полигон.

На следующий день кашеварил дизелист, но результат был тот же. Геолог с бурильщиком были освобождены от камбузной повинности по причине незаменимости, и мужики со смутной надеждой стали поглядывать на меня – авось у меня что-то и получится: «Ну чё, борода, может, останешься завтра кашеварить?» – «Лады, мужики, попробую».

Кок по неволе

Я с вечера взял с лабаза муки, риса, сухой картохи, мороженого лука, отрубил от свиной туши приличный кусок мяса, взял и пару булок мёрзлого как камень хлеба, белого и серого. Утром он будет у меня горячим и свежим. Хоть и страшно было ложиться спать, но мы, тщательно вытряхнув постельное бельё, укладываемся, как поросята, рядком на нары. Завтра опять будет нелёгкий день. Печка у нас заряжена метровыми чурками, но к утру, если никто ночью не подбросит в топку, волосы примёрзнут к подушкам.

Ночью приползшие и спикировавшие на тебя с потолка клопы, напившись вволю твоей кровушки, мирно почивают, под тобой покусывая во сне твою многострадальную шкуру. Ты во сне ворочаешься от боли, чешешься. Они, пресытившиеся, лопаются, оставляя на простынях капли твоей крови, утром смотришь на простынь и понимаешь, что спал не на спелых черешнях, а на мерзких, вонючих тварях.

Сегодня мне кашеварить, поэтому я утром вскакиваю пораньше, зажигаю керосиновую лампу. Обычно освещение было от генератора «Урала» или трелёвщика, но те сейчас не на ходу. Свечу на своё кровавое лежбище и прихожу в ярость, сгребаю всё и выкидываю на мороз, в сугроб – вот вам кровопийцы. Потом быстренько чищу прогоревшую печь заготовленной с вечера берестой и лучиной растапли-

ваю по новой, и к подъёму остальных на столе уже стоял завтрак, в моём понимании достойный мужиков: какао, чай, блины с маслом и мёдом, плов со свининой, размороженный но, уже свежий горячий хлеб.

От запахов мои коллеги давно проснулись и просто лежали, нагоняя слюну, и, как только я свистнул «подъём», они, не умыв даже морды, уже сидели за столом. Слов не было, было только довольное урчание и стук ложек. На обед они прибежали раньше времени, но щи с мясом и макароны по-флотски уже были готовы, смели всё, ни один не отстал. Вечером они ели у меня наваристый мясной суп с клёцками и классные рыбные котлеты из трески, с рисовым гарниром.

На вечерний чай я подал им оладьи с джемом и подобие омлета из сухого молока и яичного порошка. Слопали всё. С чувством выполненного долга, я устраиваюсь на своей, промороженной за день, постели, предвкушая нормальный сон, но увы…. Только я закемарил, как геолог Валера тянет меня за конечность, приглашая к разговору: «Мы тут посовещались и просим тебя заниматься только камбузом, то есть готовкой. Твою работу мы справим сами, а вот хорошее питание, как мы поняли, обеспечить нам можешь только ты. Ну как, согласен?»

С ранья до позднего вечера торчать у плиты, готовить, мыть посуду, за одно наводить марафет в жилухе, блюсти чистоту да ещё рубить дрова для баньки и своей плиты, это вам совсем не «рахат-лукум». Но общество просит, и я, скрепя

сердце, соглашаюсь, сам виноват – перестарался, выходит.

Проклинаю тот день и час

И потянулись мои похожие один на другой деньки. Я готовил им уху из трески, супы, борщи, рассольники. Они объедались тушёными зайцами, жареной рыбой, котлетами, пельменями и варениками с картошкой. Свежий репчатый лук, капусту и картошку нам привезли с артели. Теперь я мог делать пюре, тушить капусту – и всё это со свежим лучком. В пятилитровых банках у меня стояла и малосольная рыба, переложенная кольцами лука и залитая растительным маслом, она шла на ура под отварную картошечку и пюре.

К хорошему человек быстро привыкает: со временем мужики обнаглели и стали заказывать мне свои любимые блюда загодя, как у любимой тёщи в гостях. Я крутился как белка в колесе и худел. Они поправлялись, борзели, становились ленивыми, и мне иной раз приходилось на работу их выгонять чуть ли не пинками. Кто-то из них уже начинал ворчать: «Ну вот, опять накормил дышать нечем, как вот с таким брюхом на полигон тащиться?» – «Я, пацаны, готовлю по вашей просьбе, может, кто-то забыл об этом? А будете вы свою кишку набивать до отказа или нет, это ваше дело. Всё пипец – завтра у вас разгрузочный день, вам же на пользу, а у меня выходной, хотите вы этого или нет».

Поутру всё же приготовив им завтрак и объявив, что обеда не будет, я становлюсь на лыжи и ухожу в лес, где на за-

ячьих тропах стоят петли. Моих угроз никто, конечно, не испугался: еды было и так полно, а уж подогреть у них умения и желания должно хватить.

Аборигены, борзее хохлов

В тех местах, в низине, били минеральные ключи, и вода круглый год, даже в самые лютые морозы бурлила, источая запах углекислого газа. Аборигены из посёлка частенько приезжали на вездеходах за этой целебной, как они называли, «кислой» водой, а их алюминиевые канистры со временем раздувались и становились круглыми как резиновые мячи.

В этих местах водилось много зайцев-беляков, за которыми охотились крупные рыси, они частенько пожирали наших, попавших в петли зайчишек. Рысь охотилась и на кабаргу – это местный, безрогий маленький олень. Местные мужики приманивают кабаргу солью-лизунцом, бьют в тёмное время суток, направляя мощные прожектора на животных. Те стоят оцепеневшие, никуда не убегая, а в это время смерть настигает их, они умирают, так и не поняв, что произошло. Это сам царь природы, венец творения и самое «разумное» на земле существо, походя губит всё вокруг себя, и себя самого.

В кабарге ценилось мясо, но охотились на него ради «струи». Это мускус, который добывают из мускусной железы самца оленя, его там не больше двадцати грамм, но струя очень ценится как лекарство, особенно у китайцев, отсюда и её большая стоимость, и что её губит, так это лёгкость до-

бычи.

Оружия у нас не было совсем, по тайге мы ходили с длинными ножами, маленькими топорами за поясом, а то и просто с хорошей дубинкой. Возможно, это и было бесполезно, но как-то успокаивало, придавало храбрости, мы знали, что медведи зимуют повыше на сопках, в этих топких местах им делать нечего. Рысей мы побаивались – это довольно крупные звери с когтями, как абордажные крючья, но и они боялись нас не меньше, хоть мы и без когтей.

Однажды мы поставили петли на кабарожьей тропе в надежде, что попадётся этот малыш-олешек, но в петлю влетела рысь. Мужики уже в темноте идя с полигона, решили проверить свою насторожку и спугнули пятнистую рысь. Она сожрала попавшую в петлю соплеменницу, а нам досталось немного мяса и здоровенная башка, на которую даже смотреть было жутковато. Рысья голова долго валялась у меня под нарами, где всегда был мороз, но сделать из неё чучело у меня до самого отъезда руки так и не дошли. Мясо у рыси белое, вкусное и похожее на курицу, это было мнение общества после дегустации кошки.

Смерть Юры и мой отъезд

Перед самым новым годом к нам наведались аборигены, они приехали на своих снегоходах бить на солонцах кабаргу, а за одно и «кислой» воды набрать в святых источниках, в которых на Крещение они даже купаются, говорят, что всю хворь снимает.

В те годы с продуктами везде была напряжёнка, и они повадились к нам за продуктами, предлагая в обмен «шадым», технический спирт. Мужики, ленясь или не умея готовить, сплавляли им якобы ненужные крупы, макароны, брикеты мороженой рыбы, растительное масло, получая взамен отраву. Когда приехавшие как в магазин аборигены по привычке стали перечислять всё, что им нужно, я охренел: «Нет, ребята демократы, прошли крыловские времена, забирайте своё пойло, и „уё“, нетути у нас вами просимого, а ежели что и есть, то и самим нать».

Они ставят на стол канистру с «шадымом», просят стаканы, и чего-нибудь занюхать. Ну ладно, закусь не проблема, а как пить эту заразу? А вот так – они хлопнули, не глотая по почти полному стакану, зажевали, занюхали и подались на охоту, оставив нам спиртягу. Мужики просят меня выделить аборигенам хоть немного продуктов, чтоб тем было с чем Новый год встретить и им, и нам. Я отвечаю: «Я не буду сейчас в темноте шарахаться, завтра погляжу, но много

не обещаю, да и это в последний раз».

В преддверии Нового года геолог наконец-то наладил свой мини-телевизор на батарейках, и мы, разинув рты и наводя до боли глазами резкость, пялились в мутный экранчик. Там шёл традиционный новогодний «Голубой огонёк», где наши всенародно любимые звездуны и звездищи, натужно смеясь, изображали за очень нехилые деньги, бурное но какое-то тоже хилое и задроченое веселье.

Мужики, выпив по паре гранёных стакашек, валялись на нарах, слушая песни, куря и ловя кайф. Мы с Валерой, тоже выпив по стаканчику «шадыма», пили крепкий чай с брусникой, косились на мутный экран «ящика» и о чём-то спорили. На «шадым» нас больше не тянуло, он нам не глянулся – вонюч, больно. Бурильщик Юра, дорвавшись до дармового пойла, как он думал, глотал стакан за стаканом уже на автомате, никого не приглашая и никого не дожидаясь. «Столько бухла, и почти никто не пьёт – это несправедливо, зато мне больше будет, наверное», – так Юрок думал затуманенными, одуревшими мозгами. Часа в два ночи он наконец-то угомонился, упал на нары и вырубился.

То, что он лежал в какой-то неестественной позе, никто поначалу не обратил внимания, но я поневоле возвращался взглядом к нему, сознавая, что человеку так лежать не комфортно, даже пьяному, и это уже стало бросаться в глаза. Делюсь своими сомнениями с геологом, он ведь у нас за старшого. Валера пытается уложить Юрка поудобней, но вдруг

орёт: «Мужики, да он давно холодный, и ногти посинели! Он ласты склеил».

Помня, чему нас учили на военном флоте, да и жизненные уроки, я пытаюсь его реанимировать, но ни прямой массаж сердца, ни дыхание изо рта в рот, ничего не помогло. Вот тебе баушка и «Юркин день», прости меня, Господи, за каламбур. Я не кощунствую, я в печали, и Новый год всем нам теперь не в радость. Юру уже не воскресить, мы оставляем его в той же позе, гасим печь, а сами эвакуируемся в железный вагончик, предварительно тщательно перетряхнув всё бельё и вещи.

Под утро, после успешной охоты, к нам опять наведались аборигены выпить на дорожку и прихватить обещанные продукты. Узнав о покойнике, забыв про всё, но не забыв канистру с шадымом, они рванули восвояси, пообещав сообщить о ЧП участковому. На следующий день Юру увезли в морг, нас допросили, что и как, и почему, но до вскрытия ничего предъявить нам не могли. Уже потом выяснилось, что у него сразу отказали почки и печень, а для отмазки местных постановили, что спирт здесь не при чём, они якобы всю жизнь его пьют и помирают здоровенькими, вот!

Жить нам стало легче в том плане, что теперь мы спали без клопов в вагончике, а в зимовье только готовили и ели. Геолог по паршивенькой, древней рации связался с конторой, отчитался о проделанной работе, обрисовал ситуацию и вскоре, после этого к нам прибыли с проверкой, привез-

ли нового бурильщика, запчасти, продукты, бочки с солярой и т. д.

Ещё на базе артели, когда меня озарила мысль, что здесь ловить особо нечего, я послал запрос в старательскую артель в посёлке «Ерофей Павлович» Амурской области, чьё объявление случайно увидел в какой-то газетёнке. Вот с этой оказией мне прибыло заказное письмо с приглашением на работу. Урра! Заканчивался февраль, а в марте в артелях начинается ремонт техники, подготовка к промывочному сезону, а значит, пора и мне вставать на крыло и лететь туда, где есть хоть какая-то надежда на заработок.

Объявляю мужикам о своём решении, показываю письмо и тут раздаётся дружный вопль: «Ты что, желаешь нам голодной смерти, тебе нас не жалко?» – «Нет, парни, не жалко, трудно умереть от голода на мешках с харчами, ни хрена с вами не случится, а пост пойдёт на пользу, вон «мамоны» отрастили. Я стал на курс, поймал ветер, и теперь никто меня с этого курса не собьёт.

В один из дней Валера подписывает мне заявление, отдаёт табель с моими трудоднями, я прощаюсь со всеми и с вовремя подъехавшими аборигенами отчаливаю в посёлок на железнодорожную станцию. Перед самым отъездом мужики заставляют меня взять в дорогу литровую банку мёда, здоровенный шмат сала, десяток банок тушёнки. Имея за плечами двадцатилетний северный опыт, я с благодарностью всё это принимаю. С собой у меня есть ещё из дому взятый электро-

чайник (без чая на Севере нет и жизни), так что ни голод, ни жажда мне не грозят.

Дорога, расчёт, дорога

Случайной машиной я добираюсь до железки, поезд стоит всего минуту, а нумерация вагонов почему-то с конца, И вот я бегу в голову состава со своими пожитками вдоль всей этой железяки на колёсах, проклиная все ЖД России, вместе с БАМом, Как назло все тамбуры закрыты наглухо, и из проводниц никто там не маячит. Но вот и жопа тепловоза, и мой вагон, и тамбур, но и он похож на танк, глухо! Тепловоз уже даёт гудок, а я без сил сижу на своих пожитках, с остановившимся сердцем и стеклянными глазами. Проводница, видимо увидав, что дед с бородой и рюкзаком валяется у дверей вагона, прямо на перроне, открыла наконец-то калитку, подняла площадку, и уже с подбежавшим помощником машиниста тепловоза, кое-как взгромоздили меня на заплеванный пол тамбура., где я и отрубился,

Последняя моя мысль была: «Всё кранты!» Но через некоторое время сердечко стукнуло раз, потом другой, потом ещё и пошло молотить, как и раньше, только попервах с перерывами. Да, марафонец из меня, нужно сказать, хреновый. Бог ты мой, и это в какие-то тридцать лет. Мне стыдно, и я в своё оправдание могу лишь сказать, что был тепло одет, за спиной увесистый геологический рюкзак, и самое главное – на ногах у меня были толстые, негнущееся валенки, облитые толстым слоем резины, это была так называемая спецобувь, в которой

можно было только стоять на одном месте и только по стойке смирно, а не устраивать какие-то заячьи бега, пусть даже за зайчихой или поездом.

Развивая свою мысль в отношении инструкции по пользованию сими кандалами, думаю, что нужно в ней указать: годны по весу (16кг) для работы вместо водолазных бот, если обуть всех зеков в такие бахилы, то ни одному нормальному сидельцу не придёт в голову податься в бега. Как же нужно себя ненавидеть, чтоб так себя наказать, прокурору и то в голову такое не придёт. Ну вот, я вроде немного оправдался по поводу своей немощи и ничтожного результата марафонского бега по перрону.

Тут и проводница уже рядом зубами застучала вовсю, заскрежетала: «Где, старый, твой билет? Не то на следующей станции ты у меня как залетел, так же и вылетишь». Господи, неужели есть среди нас и такие вот люди? «На, на, родная, твой квиток, и будь добра, закрой свою пасть», – ответил я, подавая ей билет. Та девушка, которая помогла мне забраться в тамбур, подошла очень кстати и отвела меня в моё купе. Сняв свои чоботы, я воспарил под потолок, и, испытав неимоверное облегчение, я понял, что счастье есть, хоть и небольшое, но вот оно.

Старательская зона

Не буду описывать дорогу, она была недолгой, за окном было темно и неинтересно. В вагоне я познакомился с двумя парнями, тоже ищущими удачи, они не знали, куда ткнуться и уже давно были на мели, я угощаю их всем, что у меня было и предлагаю попытать счастья там, куда я еду за расчётом. Приехали, уломав охранников, веду их в контору, долго ждём, но, как оказалось, зря, их не взяли, и я, прощаясь с ними, желаю удачи и отдаю все продукты, они им нужнее, а меня, пока не получу расчёт, кормить всё равно будут. Один из парней на прощание дарит мне на память электронные часы. Удачи вам, старатели.

Несколько дней живу в общаге и не могу попасть на приём к глав. сморчку, он самолично решает вопросы найма и увольнения. Я смотрю на наглые, сытые морды охранников, дивлюсь артельским, зоновским порядкам и сравниваю с порядками в артелях, где батрачил раньше. Затем прихожу к выводу, что даже в колымских артелях «нравы» были попроще. В один из дней, узрев входящего преда, я на полном ходу, в наглую прусь за ним в кильватере, и вместе с ним, минуя охрану, вваливаюсь в святая святых, в его, как уже стали называть по современному, офис. Оглянувшись и узрев меня неприглашённого, он охренел, но выгонять не стал. Этот сморчок, плешивый маленько, пораспрашивал меня: Кто ты

есть? А зачем? А почему? А на хрена?

Сволота. Хочу в бандиты, но на время

Потом вызвал «буха» и от фонаря велел выдать мне энную сумму, услышав которую, пришла моя очередь охренеть и сесть на жопу. Выходит, что я только за харчи пахал в той «кислой» долине и даже домой не смог послать ни копейки?! У меня возникло сильное, острое, как понос желание размазать его по стенке, но я даже не заметил, когда и где он нажал на кнопочку. И тут же дюжие артельские вертухаи-держиморды взяли меня под белы рученьки, поднесли к кассе, где мне не глядя, и даже без ведомости сунули тощую пачку мелкоты, потом сопроводили до барака, чтоб я взял свой рюкзачок, и почти вежливо выставили за ворота. Я понял, что этот процесс увольнения у них отработан на ять.

Всё, теперь вход для меня закрыт, и я здесь персона нон грата. Заглянул я в свою трудовую, а там даже записи нет, и хрен кому теперь докажешь, что ты работал на этого «хмыря болотного», и он тебе не заплатил. Не зря вот такие «мухоморы» и «поганки» боятся, воздвигают двойные до небес заборы, они и бабу свою «имеют», наверняка под бдительным оком охранников. До меня доходит простая истина: будь они другие, они бы не были тем, кто они есть. Если в плохом можно найти хорошее, то я рад, что мне хоть трудовую вер-

нули, даже если она и без записи.

Братки-бандиты, возьмите меня к себе хоть на время, мне бы только вернуть, вырвать у жлоба-«мухомора» свои бабки, а там и видно станет, возможно, нам и дальше будет по пути? Несмотря на мой северный, стойкий иммунитет от неприятностей, на душе у меня гадко и оптимизм на нуле. Но насрать на всех вас, господа жлобы и крохоборы, мы один чёрт прорвёмся, мы не пропадём, а вам всем рано или поздно хана придёт. Рюкзачишко с пожитками на плечо, рулю на железнодорожный вокзал. Теперь мой путь лежит по БАМовской ветке до станции «Ерофей Палыч» и в посёлок тоже Ерофей Палыч Амурской обл. Все мои надежды отныне связаны этой артелью. Удачи мне, удачи!

Старатели, п. «Ерофей Палыч»

И вот она, станция «Ерофей Павлович» с одноимённым названием посёлка в Амурской области. Выхожу из вагона на низкий причал, ж д вокзала, поезд стоит здесь недолго, пассажиров мало. Высадив прибывших, но никого не посадив, поезд разочаровано гуднув, опять медленно трогается, а в след ему раздаются ехидные свистки дежурного по вокзалу.

Словно обидевшись, тепловоз поднапрягся, и вагоны всё быстрей побежали по рельсам, поблёскивая стёклами окон, унося на Восток отпускников, рыбаков, геологов, старателей и прочий беспокойный люд, всех тех, кому покой только снится и кто не может жить иначе. Проводив глазами последний вагон с красными фонарями на корме, я оглядываюсь.

Маленький деревянный вокзальчик с палисадом, огороженным невысоким заборчиком с облезлой синей краской. В палисаде живут весёленькие, зелёные ёлки и голубые ели, а притулившиеся по углам бесстыжие, уже нагие, берёзки навевают жалость и тоску.

Если всё будет хорошо, этот железнодорожный пейзаж я увижу только глубокой осенью, когда эти берёзки только начнут обнажаться, сбрасывая свой летний, пожелтевший сарафан и последние, уже засохшие серёжки, а ёлки и ели, разродившись своими шишками, семенами, будут по-прежне-

му блистать зеленью наряда. Но хватит лирики, я спрашиваю у аборигена дорогу и, полный самых радужных надежд, устремляюсь за посёлок, на базу старательской артели, где меня ждут работа, кров и пища.

Артель находится в двух-трёх км от посёлка и в пятидесяти метрах от железной дороги, думаю про себя: «Как они здесь живут, ведь этот грохот поездов днём и ночью?» Я ещё не знал, что перестука колёс, как и самого грохота поездов никто попросту не замечает, не знал, что и мне, привыкшему к рёву дизелей на буровых и судовых силовых установок, вскоре тоже всё будет до лампочки.

Спрашиваю работяг, где контора и захожу к председателю артели для знакомства и собеседования. Он долго листает мой трудовой «талмуд», который у меня на двух языках и в двух томах. Я начинал свой трудовой путь в тринадцать лет на целине в Казахстане, и на обложке трудовой было написано «Енбек китапшасы», что и означало – трудовая книжка. Ну а два тома получилось после двадцатилетней работы на северах в разных экспедициях, старательских артелях и на всевозможных сезонных работах.

Председатель ищет запись о работе и стаже бульдозериста, но её нет. В последней, колымской артели мне отметили только работу слесарем по ремонту бульдозеров «Комацу» и «Катерпилллер», а то, что я бульдозерист и мониторщик не зафиксировали, я же, будучи после тяжёлой аварии и почти четырёхмесячного пребывания в госпитале Сеймча-

на, не обратил внимания на то, что там мне намалевали кадровики.

Пред долго что-то кумекает и направляет в мастерскую на ремонт бульдозеров Т-170, Т-130. Выбора у меня нет, и я спешу согласиться, потом иду, устраиваюсь с ночлегом, а вечером, скудно поужинав, заваливаюсь на вагонную плацкартную шконку и, не замечая почти минусовой температуры в вагоне, проваливаюсь в небытие. Утром выхожу на работу, и «погнали наши городских». Скрипи зубами, но терпи, хотя на дворе ещё зима, но и долгожданная осень уже недалече, семь месяцев пролетят, не заметишь, если не сломаешься раньше срока.

Становлюсь я упрямей, прямее,
Пусть бежит по колоде вода,
У старателей всё лотерея,
Но старатели будут всегда!

В. Высоцкий.

Об артели, быте, отношениях

В артели человек сто криворожских хохлов и человек десять русаков. Хохлы, как и положено, все сваты, браты, кумовья, кенты кентов и просто соседи. Я сам родился на Украине, но никакой радости от встречи с земляками и перспективы дальнейшей совместной работы я не испытывал. У меня уже был печальный опыт общения с этими жертвами неудачных абортов, но поживём-увидим, может, и уживусь с этими чертями, всё равно выбора у меня нет. Старательский люд ютится в списанных железнодорожных, снятых с колёс, пассажирских вагонах, они дёшево обошлись артели, но для старателей это далеко не лучший вариант. В вагоне можно перекантоваться несколько суток, пока ты доедешь из точки А в точку Б, но жить в нём шесть-семь месяцев подряд не больно удобно, к чему, впрочем, привыкаешь, не замечая сам, когда и как.

От небольшой котельной протянута теплотрасса и в вагонах, если и не жара, то под парой ватных одеял и телогрейкой сверху выспаться можно. Аналогично и с кормёжкой, если жирку не нагуляешь, то и с голоду не помрёшь, старатель, как собака, должен быть всегда голоден. Это легко для организма и работе не помеха, сытый старатель – ленивый, его в сон клонит и дурные мысли о женщинах будоражат, мешая работе. Чего в артели от пуза – так это работы, но это уже

отличительная черта и специфика всех старательских артелей. Как отремонтируешь технику, так и поработаешь, как поработаешь, так и получишь.

Худая кормёжка хохлов мало волновала, у каждого из них было по паре чемоданов с салом, домашней колбасой, свиной тушёнкой, залитой смальцем по самую крышку. Какой уж тут голод? Те, кто жил среди своих, ели не прячась, потому что сей национальный «наркотик» был у всех, а те, кто жил среди москалей, то есть среди нас, обезжиренных русских, ловили моменты и жрали втихаря в кабинах своих бульдозеров, а то и ночью под одеялом: «А кацапам бог подаст». Но бог нам не подавал, он тоже за просто так, за здорово живёшь ничего не даёт, ни елея, ни просвирки пресной и уж тем более «Кагора» для причастия и во искупление грехов.

Работа

Капитальный ремонт бульдозеров делали каждый год, потому что весь промывочный сезон они работали на износ, сутками, неделями, месяцами. Если техника ломается, её чинят, если сломается человек, то он ничего не стоит, на его место тотчас придут другие жадные до работы и денег батраки, это конвейер, который нельзя остановить, и это естественный, почти по Дарвину отбор. Выживает сильный, слабое звено выпадает из жизненной цепи, не нарушая её целостности. Это закон жизни и старательской эволюции. А вот по-

чему я так выразился, поймёте немного погодя.

На ремонте бульдозерных движков уже был моторист, тоже хохол, тоже земляк. Это был крепкий, наглый, почти всегда пьяный чувак. Он славился буйным нравом, и его побаивался сам шеф, потому что они дома были соседями, и шеф боялся его пьяных выходок. Как старший, он работал в небольшом цехе, в тепле, мне доставалась вся работа на улице, где мартовский ледяной хиус пронизывал до мозга костей. Я не ныл и воспринимал всё как неизбежное, северная закалка помогла мне в этом, я даже сочувствовал хохлам, ведь у них не было той школы выживания, как у меня. Правда, и у них было то, чего не было у меня. Это – жадность, зависть, продажность, готовность за гроши пойти на любую подлость.

Время шло, приближался сезон промывки, начало добычи золота. Я надеялся перейти на работу бульдозеристом или мониторщиком, но пред вызвал меня и объявил, что я уволен. Бульдозеристов якобы у него хватает, а мониторщиками будут работать его земляки, у которых не было никакой специальности, но они якобы быстро научатся. Это был крах. Я ему напоминаю, что он сам вызвал меня, что я якобы оставил «перспективную» работу, а сейчас вдруг оказался не нужен. Не по-людски это!

В том случае моё нежелание или неумение работать было не при чём, просто я как-то «косо» посмотрел на горного мастера, без должного уважения к его хохлятской особе,

и вот оно – возмездие. Нехотя и скрепя сердце, босс спрашивает меня: «А какие ещё специальности у тебя есть?» – «Я – токарь, монтажник, сварщик, моторист, бульдозерист, мониторщик, хороший плотник». – «Ладно, ладно, хватит, а то ты до вечера будешь мне перечислять, пойдёшь плотником, будешь строить мне коттедж на ручье». – «А мне по херу, что делать, построю я тебе терем, не впервой».

Конечно, я знал, откуда ветер дует и в чём моя вина. Причина проста, как бублик. Я не из их стаи, я не хохол, и я чужак на своей земле, и в своей стране. Кому-то очень хотелось, чтоб я «опарафинился» со строительством коттеджа, но до глубокой осени я пахал как зверь, и это не прошло незамеченным. Мне заплатили, как и хохлам бульдозеристам, что их очень обидело, мало того, меня пригласили и на следующий сезон, хотя кому-то из них сказали больше не приезжать, дабы не осквернять своим присутствием добычу благородного металла. Так я поневоле нажил кучу новых врагов.

Мне кранты, дураку

Осенью я, как никогда раньше, был опустошён и морально, и физически: почти год тяжёлой работы, по двенадцать часов и без единого выходного, сделали своё дело. Но я ещё не знал, что злой рок не оставил меня, что самое тяжёлое испытание у меня впереди, и те неудачи, что были у меня до этого, покажутся просто лёгкой гримасой фортуны. Получив расчёт и рассовав по карманам тугие пачки банкнот, два-

дцать три «лимона», я купил в вагоне полностью купе и, поверив на этот раз в свою удачу, полностью расслабился за что и был наказан.

Меня уже в который раз подвела доброта, детская, граничащая с идиотизмом наивность и вера в хороших людей. Меня отравили клофелином и ограбили, пока я валялся в «отрубе». Я опять был в глубокой жопе, с чего начал – к тому и вернулся, и у меня даже не осталось сил, чтобы выброситься на ходу из поезда, враз покончить и с жизнью непутёвой, и с хронической невезухой, значит, даже и в этом я пролетел?

Сразу этого не смог сделать, но потом заметил, что опять, по новой строю воздушные замки, один краше другого. Но самой заветной мечтой и целью в жизни стало желание найти и покарать ворюгу. Увы, этой мечте не суждено было сбыться. Я ненавижу воров всех мастей: от мелкого «щипача» до ворья в законе, от мелкого взяточника-чиновника до крупного вора-министра и всяких «слуг народа». Но если ворью по жизни дают вполне реальные срока, то тем, кто при галстуках, только пальчикам грозят: «Нехорошо, батенька, по столько хапать, оставь малёхо и другим, делиться надо, делиться».

Второй старательский сезон

Я приехал домой без гроша за душой и как побитая собака стал зализывать свои раны и строить планы мести, только вот некому было предъявить счёт. Чтоб как-то прокормить семью, я брался за любую работу, но это всё ещё были «лихие девяностые» и таких, как я, было гораздо больше, чем мне хотелось бы. Я не мог смотреть в глаза жене и сыну, ведь во всех бедах я винил только себя. Так прошла зима, и в марте с облегчением и вновь вспыхнувшей надеждой я опять рванул в артель, в сторону уже ставшего почти родным Ерофей Палыча.

Председатель затеял строительство большого гаража, ремонт котельной. Из бруса он решил строить «комки», магазины на санях для торгашей. Для этого он приобрёл старую пилораму, и мне пришлось в срочном порядке освоить ещё и профессию пилорамщика. У меня уже была небольшая бригада, я ставил срубы, сам собирал окна, двери, крыл крыши. Я делал всё, и так уж получилось, что меня никто и не спрашивал, могу ли я это сделать. Я раньше и сам не подозревал о своих способностях. Просто мозг как компьютер выдавал мне готовое решение задачи. Я не прикидываюсь гением, я точно знал, что где-то это видел, и это как-то невольно, как на матрице, до поры до времени откладывалось, отпечатывалось в мозгу.

В принципе, я просто делал всё то, что должен уметь делать любой мужик, «кто везёт, на том и едут», точно зная, что ты не подведёшь. И если ты будешь не просто делать вид, что работаешь, а пашешь аки вол, это твоя воля, вот только никаких особых заслуг, окромя грыжи, у тебя не будет. Так, с полной отдачей должны работать все, что возможно только в хорошем, дружном коллективе, это во мне сейчас говорит опыт прошлых, уже прожитых лет.

На старой пилораме я пилил доски, готовил брус для вагончиков и шпалы для железной дороги. Не всегда и всё у меня шло гладко, да и отношения с хохлами опять не заладились – не люблю хитрожопых сачков и стукачей. Они все были стукачами, они доносили друг на друга, брат на брата, кум на кума, и когда в артели вдруг появились разъяренные хохлушки, никто не удивился. Этим жинкам кто-то написал кляузу на их мужиков: «А ще, мало того, шо воны бухають, так и усих мисных баб пэрэтрахалы, и до хаты воны мабудь нэ доидуть, бо им и тут дуже гарно».

Что тут началось – трудно представить, но ещё трудней было успокоить тех мегер-хохлушек. По почерку письма вычислили родича-писаку, но он ушёл в отказ и божился, что не при делах. Председателю артели пришлось выдать землячкам деньжат на обратную дорогу и клятвенно заверить их, что впредь он не допустит никакого разгула страстей и будет строго карать оступившихся рублём, вплоть до увольнения.

Последнее заявление директора (как он любит) не больно глянулось верным жинкам: «Як цэ рублём, як цэ уволить?» – «Та вы шо, Грыгорыч?» – «Тай мабудь ничого и нэ було, цэ хтось обисрав наших мужикив, а мы с дуру и припэрлыся сюды». Знал пред, чем шугануть бабёнок, за гроши воны и «свою …..» подставят, не токмо мужнин член на прокат отдадут, ведь не сотрётся, весь до корешка, ещё и им останется. Укатили хохлушки, оставив в артели склоки и разбор полётов до самой осени.

Украинцы, хохлы, бандеровцы

На пилораме у меня работали свояки Толька и Колька. Первый был просто хохлом, с ним ещё можно было сварить кашу, а второй, Колька был махровым бандеровцем, чего он и не скрывал. У него хитрость, ненависть, злоба на всех и на вся в глазах светились. Как-то в порыве откровенности Толька, опасливо оглядываясь на свояка бандеровца, тихо сказал мне: «Ты знаешь, ёго батько мого батьку вбив, а зараз мы женаты на сестрах, свояки мы зараз». Как я понял, у одного отец был председателем сельской рады, а у другого отец был в УПА, «лесной брат», который и в советское послевоенное время убивал и вешал всех, кто не с ними, а значит – против них. Коммунист давно сгнил в могиле, а другой до сих пор жив, и получает пенсию, а накопленную за всю свою подлую жизнь, злобу и ненависть передаёт детям и внукам. Вот и скажи после этого, что бог есть, и он всё видит.

Однажды, отойдя по нужде в кусты, я обнаружил там обширную полянку с грибами. Столько грибов я видел только в эвенкийской тайге да сосновых борах Тюменской области, куда мы летали вахтой из Туруханска. Забыв про «царское дело», я, не разгибаясь, набрал полную рубашку с завязанными рукавами и противомоскитную шляпу с сеткой, вышло где-то около четырёх вёдер. После работы я их почистил, порезал, чтоб быстрей высохли, и разложил на чистой ткани

сушить. В своё время мы с женой вместе работали на буровых и хорошо знали вкус и запах таёжных даров – это вам не магазинные шампиньоны без малейшего вкуса и запаха. Я уже представлял, как привезу их домой и что жена из них приготовит, но… На другой день, занимаясь настройкой рамы, я случайно глянул в сторону штабеля, на котором были разложены мои грибы. Там стоял бандеровец Мыкола и с наслаждением ссал на мои грибочки, он водил своим «шлангом», стараясь не пропустить, не оставить сухим ни одного кусочка.

В глазах у меня потемнело, я схватил лом, которым ворочают брёвна, но вовремя остановился и закричал на него: «Ты что, козёл, делаешь?» – «Ой, а я нэ бачу, шо туточки грыбочкы лыжать, тай ничого, ты их помиешь и пийдуть за пэрший сорт». Ещё и издевается мразь бандеровская, он уже понял, что драки не будет, я чужой среди чужих, а значит, выгонят за драку с бандеровцем, как пить дать, меня, а я не мог приехать домой опять пустым, как бубен шамана. Перед сезоном я сказал себе: «Или со щитом, или на щите!». Но никак иначе, поэтому я поневоле проглатываю эту горькую пилюлю, зато потом под каким-то предлогом прошу преда убрать от меня этого бандерлога пока я его не порешил.

Тот вникает и отправляет бандерлога на другие работы, он каким-то образом уже знал об этом инциденте, у него везде были свои глаза и уши. Я уже знал, что бандеровец по-

пал в артель совершенно случайно, а, вернее, по чьей-то горячей просьбе. Он был давно на заметке, потому что ничего не умел, да и не хотел уметь, он был «никто», но всегда норовил сачкануть, проехать на чужом горбу, а просто взять и выгнать его не могли. Почти вся артель была повязана родством, кумовством или просто соседством, а это уже клан, мафия.

«Подарок» от собак

Я уже сказал, что кормёжка в артели, в отличие от других, была, мягко говоря, не ахти, и поневоле вспоминал Колымскую артель».. беду». Котлеты там были с башмак, гуляши горой, в борщах всегда и у каждого был добрый шмат мяса. Винегреты, всевозможные салаты, малосольный лосось – постоянно стояли на столах в тазах, как и горячие чайники с чаем, кофе, какао, ешь – не хочу.

В этой же артели, мяса мы почти не видели, а о том, чтоб даже в мороз перекусить или глотнуть чайку, и речи не могло быть. Зато они где-то закупили мороженой сельди, и нам уже не нужно было гадать, что на обед, всё пропахло жареной селёдкой.

Коком в артели был русак, дразнили его Женькой, он был читинский, и мы были ровесниками. Как бы то ни было, но мы с ним нашли общий язык: просто я подогнал ему как форму белый капитанский китель с золотыми пуговицами, лежавшим у меня с давних пор, чем и покорил сердце флотского кока, что и стало невольным предлогом к дружбе. Жека частенько «подогревал» меня чаем, сахарком, а то и сливочным маслом, что было совсем не лишним при систематическом недоедании. Электрочайник у меня был, и по вечерам я кайфовал, попивая крепкий, сладкий чай. К той поре я жил отдельно от толпы, меня достали пустые споры, глупые

базары, орущие футбольные болельщики у мутного телика и карты, которые я ненавижу и не играю даже в подкидного.

В нашем вагоне пустовала каюта проводника, заваленная всяким хламом. Сломав переборку гальюна, я соединил два отсека, и у меня получилась прекрасная каюта «люкс», где я и стал полновластным хозяином. Как потом оказалось, это была самая холодная часть вагона, Арктика. Но не зря говорят что голь на выдумки хитра, да и жизненный опыт не последнее дело. Вскоре у меня в каюте исходила жаром мармитка от кухонной плиты, и была возможность не только согреться, но и просушить рукавицы, обувь, одежду да и выстиранное бельишко.

Теперь, когда у в каюте у меня Ташкент, есть столик, светильник на переборке, при котором можно читать, включать и гасить свет, не вставая с тёплой постели, есть транзистор, по которому я могу послушать музыку и нормальную русскую речь, а не «балаканье» хохлов, и только здесь я отдыхал душой и телом. Хохлы завидовали моему «люксу», поэтому иногда, ради юмора заталкивали в замок то гвозди, а то проволоку или просто элементарный деревянный клинышек. Зато какой они испытывали кайф, глядя, как я чертыхаясь ковыряюсь с замком.

Это удовольствие я им быстро обломал, приобретя сразу десяток простеньких дешёвых замков, и в очередном случае паскудства я просто спиливал ножовкой по металлу испорченный замок и вешал новый. А тут ещё «Дед мороз», кото-

рый жил через стенку вагона, но только в сугробе, или может даже кто-то другой, но тоже очень добрый, прислал очень ценный для меня подарок.

Однажды, ещё в марте, выйдя вечером из вагона, я обратил внимание на собак, грызущихся меж собой. Они барахтались в сугробе, дрались за какую-то банку, отогнав псов, я взял её, вынес на свет, и вот те хрен, это была прекрасная свиная тушёнка, целых три литра. Возможно, что и кто-то из хохлов заныкал в снегу эту банку, видимо, на чёрный день, но собаки унюхали, откопали, отгрызли капроновую крышку, вылизали, сколько смогли, а остальное подарили мне. Ложкой я выгребаю верхний слой, выбрасываю собакам, а потом, не спеша, исходя тягучей голодной слюной, мажу толстым слоем тушёнку на хлеб, грею и пью обжигающий чай, не пожалев ни заварки, ни сахара – праздник так праздник.

Я растягиваю этот процесс, сколько могу, но всему есть предел, у меня кружится голова, я сдаюсь и предаюсь чревоугодию. Медленно, как я хотел вначале, не получилось, челюсти, кажется, помимо моей воли, перемололи приготовленные бутерброды, а горло потребовало срочно залить всё это горячим, сладким чаем. Я наелся, как дурак на поминках, и спал в ту ночь как убитый, и мне, как и в детстве, снились розовые сны. Я даже не вспомнил о том, что на ночь есть вредно, зато сделал вывод, что спать, не слыша голодного урчания в брюхе и не исходя во сне на подушку слюной,

гораздо комфортней.

Эту вкуснейшую домашнюю тушёнку я ел больше месяца благодаря Господу Богу, пославшему мне этот дар и хохла, спрятавшего её в сугроб. Не забыл я в молитвах своих и собак с их изумительным собачьим нюхом, а они, не помня зла, стали моими лучшими друзьями, и я чисто по дружбе выносил им с камбуза всё, что мог, в смысле отходов.

Лососи – ммм!

Как-то уже под осень нас сняли с участка и послали на торговую базу выгружать из вагона-рефрижератора, непотрошёную, свежую амурскую кету. Это была удача. Лосося я ловил в Охотском море и прекрасно знал, что это за рыба, что можно из неё приготовить и как её есть. В принципе, я с удовольствием ем её и сырую, а строганина из мороженого лосося – это вообще деликатес. Этот лосось предназначался вовсе не нам, не для артели как мы сначала думали. А то, что нас послали на выгрузку, так это наш босс просто удружил рабсилой своему корешу, местному авторитету, который закупил эту кету у амурских браконьеров по дешёвке, надеясь на солидную прибыль.

Мы поехали на артельном «Урале», где водилой был местный жуликоватый парнишка Колька. То, что у этого барыги торгаша было столько прекрасной деликатесной рыбы, а у нас не шиша, мы посчитали вопиющей несправедливостью, и чтобы восстановить статус-кво, мы попросту спёрли у него энное количество хвостов, всего-то штук сорок-пятьдесят. Мы зарядили рыбой Колькин Урал, куда только можно было: набили под сидушки и за сидушки, во все бардачки, ящики с ключами и даже в пустую шину, валявшуюся в кузове. Худо-бедно, но на мою долю пришлось с десяток здоровенных, непотрошёных, с икрой лососей, а с икрой пото-

му что всю рыбу выбирал сам. Благодаря опыту приобретенному на лососёвой путине в Охотском море я безошибочно выбирал только самочек, которые были с икрой.

Я ел рыбу сырой, потом малосольной и вяленой, солёной рыбой, переложенной кольцами лука, я набил банки и залил сверху постным маслом. Это было «нечто», и благодаря этому «нечто» я получил так необходимые организму калории, витамины и йод, содержащийся только в морской рыбе.

Но не хлебом единым жив человек, даже если он и старатель. Я жил среди людей, общался с ними, кого-то уважал, с кем-то дружил, а кого-то ненавидел. У меня, как и у всякого нормального человека, были друзья, были и враги. Я не собирался ни под кого прогибаться, тем более под хохлов, и не всем это было по нраву. Быстро поняв, что кое кто пользуется моей безотказностью, я стал жёстче – для всех всё равно хорошим не будешь. Тем более, когда твои добрые поступки и дела безответны, когда в глаза тебе говорят одно, а за глаза совершенно другое.

Самый необходимый для бульдозериста инструмент – это, наверное, кувалда и лом. Довольно часто ко мне обращались с просьбой насадить или заменить поломанную ручку, тогда хозяин кувалды подходил со словами: «Братыку, зробы мэни цю кувалду, бо я нэ вмию, а я тоби цыгарок дам пару пачок». Речи были ласковые, сигареты у нас были в дефиците и шли по бартеру, и эта небольшая шабашка для меня была выгодной. Да, хохол может предложить тебе за работу пару пачек

сигарет, но он никогда не предложит кусок сала, что было гораздо нужнее.

Одному просителю, любителю прокатиться за чужой счёт я отрегулировал топливный насос, хотя это было не моё дело, он дал мне пару пачек сигарет, сказал мне: «Дякую». Но через пару минут примчался ко мне брызгая слюной во все стороны:

Я зъив хохолскэ сало?

«Ты на шо спэр мое сало?» Я охренел: «Ты, кореш, при своей памяти?» – «Кромэ тэбэ, билля мого бульдозэра никого нэ було».

Вот, блин горелый, опять форс-мажорная ситуация: ославит ведь гад на всю артель, не отмоешься потом, нужно разбираться по уму. Кое-как я выяснил, что сей «допинг», то бишь сало, было спрятано в кабине, а забрал его родной братан, не сказав ему об этом. Ладно, что признался, в противном случае моя репутация и дальнейшая работа в артели оказалась бы под большим вопросом. Мелкие пакости были в порядке вещей, а я старался не обращать на них внимания, старался быть выше их, что их бесило ещё больше. Помня о своей цели, о своей семье, я не мог дать воли ни своим нервам, ни своим кулакам.

Горным мастером в артели был «Грыгорыч», он тоже был с той страны, с той шайки, с той родни, и он тоже был чьим-то кумом, сватом, братом и соседом. Он был близок к шефу, обладал властью и был злопамятен. Зная его нрав, ру-

саки с ним не спорили, не связывались, старались обходить стороной. Его тоже бесило, что за прошлый сезон мне заплатили как и хохлам-бульдозеристам, да и земляки, не рискуя кляузничать напрямую шефу, изливали всю грязь на нас, кацапов и москалей, «Грыгорычу». Он всех достал и не только русских, но и своих земляков. Его дело было: полигон, промприборы, промывка, но он, проявляя рвение, лез во все дыры, он всех учил, как нужно работать. Сварного он учил, как правильно варить, токаря – как точить, бульдозериста – как правильно толкать породу, меня – как пилить доски и держать в руках топор, ну и т. д. Вот только никто не помнит случая, чтоб он показал, сам что-то сделал своими руками.

Поезда, отдушина в мир

Я уже сказал, что наша база находилась рядом с железкой, а поезда я любил не меньше, чем корабли или самолёты. Наверное, это потому, что они все были странниками, как и я же, потому что они не стояли на месте, а куда-то ехали, летели, плыли, и я им завидовал. Поезда жили своей жизнью, и они были разные, как и дороги, по которым они летели с перестуком колёс. Вот отстукивает километры пассажирский скорый, он летит от Владивостока до Москвы, за окнами вагонов видны люди – это едут чьи-то жизни, судьбы, чьи-то радости и, возможно, чьё-то горе. Одни едут к кому-то, другие – от кого-то кто-то убегает, кто-то догоняет. В конце пути кого-то ждёт радость, кого-то разочарование или горе, и это всё жизнь.

Вот идёт товарняк конца, которого не видно, этот трудяга идёт не спеша, но уверенно. По характеру груза можно определить, откуда он и куда его везут. С Владивостока и Находки больше идут рефрижераторы с рыбой и тысячи платформ с японским авто-хламом. Вся страна, кажется, помешалась на «японках». Машины плотно стоят на полу, на платформах, на них или в них сидят счастливые новоиспеченные авто-владельцы. Они счастливы, они машут нам руками, платочками, а то и бутылками. Пусть их.

Иногда проходят воинские эшелоны с техникой, небреж-

но укрытой зелёным брезентом или маскировочной сеткой. Они могут идти как на Запад, так и на Восток, везя танки, авто-технику, ракетные установки, и как в шахматах постороннему не понять смысл этих ходов, но это интересные поезда. Состав-тяжеловес состоит из четырёх тепловозов и длиннющего, километра на два, состава. Половина – это вагоны, гружённые лесом, другая половина огнеопасная, с цистернами, наполненными сжиженным газом, нефтепродуктами и ещё бог знает чем, но тоже горючим. Были случаи, когда такие цистерны сходили с рельсов и валились под откос, а люди в ближних деревнях потом болели и умирали, не зная от чего.

Сейчас я понимаю, что железная дорога в то время была для меня отдушиной, отвлекала от житейских забот и дурных предчувствий. Глядя на неё, я думал о ней, она стала для меня окном в иной мир, она помогала мне жить, и даже во сне я куда-то плыл, летел и ехал под перестук колёс. Как бы подводя итог, прихожу к выводу, что, несмотря на все жизненные неурядицы, работать там можно было, и я даже благодарен судьбе, ибо, раньше там, где хорошо кормили, хреново платили, а здесь я хоть что-то заработал.

Паровоз, вестник из прошлого

Старателей отвлёк от работы, какой мощный гудок, и было впечатление что гудит пароход, но здесь реки нет, а пароходов тем более, их и на реках-то не стало. Но рядом с нашей базой проходит «железка», вот по ней-то и мчался настоящий, живой, пышущий паром и дымом паровоз. Он блестит чёрным лаком, колёса ярко красные, это воплощение красоты и мощи. В окошке, высунувшись по пояс торчит дед машинист с белой развевающейся на ветру бородой. Он лыбится, щерит беззубый рот, машет нам промасленной железнодорожной кепкой и даёт маленький пронзительный свисток, он выдаёт серию звуков похожих на морзянку, а потом давит на клапан основного гудка, от которого закладывает уши. Сигнал волной уходит по сопкам, летит ввысь, в небо, растворяясь и затихая в облаках.

Мы стоим, раскрыв рты, и я думаю что появись сейчас здесь живой мамонт он не произвёл бы такого впечатления как этот ископаемый паровоз. С какого депо или музея дедок, угнал этого огнедышащего дракона? Наверняка он не один год восстанавливал своего «друга», и вот сейчас они оба на колёсах, и оба счастливы. А может быть, это была их последняя «лебединая» песня? Жаль, конечно, но паровоз переживёт своего друга и хозяина, одному уготовано место в музее, другому на погосте. Всё так и случилось, минуло

двадцать лет, но память о них осталась и я делюсь ею с вами.

Бывая в разное время в разных городах и станциях, я видел иногда в тупиках, на рельсах которые ведут в «никуда» десятки паровозов. Это были не кладбища и не свалка металлолома, все локомотивы находились на консервации, хотя это было и похоже на дом престарелых, но и было понятно что они в любой момент «встанут и пойдут», а пока они просто отдыхают. Это стратегический резерв.

Я давно уже в годах, и я не стою на запасных путях, я стою на тех рельсах которые ведут в тот последний тупик, в «никуда». Но, я по прежнему люблю паровозы из моего детства, и мне всё ещё хочется увидеть мчащийся по рельсам, в клубах пара блестящий чёрным лаком паровоз с красными колёсами и может быть в последний раз услышать его гудок, улетающий в небо и тающий там.

Третий сезон полный, крах!

На третий сезон в эту артель, в 1995 году, я ехал с самым радужным настроением, потому что мне пообещали работу на бульдозере, но и меня и всех остальных старателей ждал полный облом. В результате жестокой конкуренции у артели забрали землю, полигон, нам стало негде работать, негде мыть золото. На базе было пусто, бульдозеры отдали в аренду в другие артели, с техникой ушли и некоторые бульдозеристы. Мне ничего не оставалось делать, как искать, предлагать свои руки в других артелях. Денег у меня не было, и я автостопом разъезжал в кабинах тепловозов, и если б это было не со мной, я бы не поверил, что это возможно.

Доехав до Тынды, я нашёл в тайге очередную артель, меня накормили, обогрели, но утром мне пришлось вскинуть рюкзачок на плечо и двигать дальше в поисках удачи, а будет ли судьба благосклонна ко мне – жизнь покажет.

Увы! На этот раз фортуна мне даже не улыбнулась, и если бы я не успел получить из дому денег на обратную дорогу, я бы этих строк уже не написал. И так уж вышло, что почти с вокзала я попал на операционный стол, где меня и вскрыли, как консервную банку, чтоб заштопать прохудившийся так некстати желудок. Фортуна опять повернулась жопой! Слабое утешение, но могло бы быть и хуже. Ведь так?!

Бандеровцы – верные холопы Гейропы

Сейчас я наблюдаю за событиями на Киевском майдане и молю бога, чтоб нормальный хохол Толька поимел ум и мужество не пойти вслед за бандерлогом Колькой на майдан и орать там: «Москаляку на гиляку».

Ещё я надеюсь, что вспомнит Толька, кто и за что убил его отца, поймёт, кто может убить его самого и его семью. Если яблоко от яблони недалеко падает, то ядовитое семя совсем рядом. И слава Богу, что не все хохлы «Тольки», что есть и со своими мозгами, умеющие отличить чёрное от белого, друга от врага.

Во всех старательских артелях Колымы, Якутии, Читинской, Амурской и Хабаровской областей рядом с русскими, белорусами, татарами, башкирами и другими национальностями работают сотни, тысячи, десятки тысяч хохлов, и никто не говорит им: «Геть!», никто не кричит: «Хохляку на гиляку». Они спокойно живут и работают, хотя труд старателя обесценивается именно из-за них, согласных работать за любую плату. А сейчас мне просто хочется сказать Украине, моей родине: «Не сдавайся, борись, верь, и победа будет за нами!».

Эти события 1995 года, а последние строки 2015 года.

А вот будет ли 2016, это ещё вопрос.

Грабят, суки, мужиков, грабят!

На улице 1993 год. Осенью, по окончании промывочного сезона, откуда-то с Приморья едут старатели. У них в артели расчёт выдали не родными «деревянными» рублями, а «золотыми» ювелирными изделиями из какого-то сплава. Но на кой чёрт мужикам эти безделушки, пусть и золотые, куда их девать? Какому-то, шибко умному «головастику» пришло в голову выдать старателям расчёт ювелиркой. Взяли на работу мастеров и те наклепали, навертели кучу всевозможных цепочек, браслетов, перстней и прочей «бижутерии» на всю артель. Эта сволочь всё рассчитала верно, и если взять стоимость пяти граммов золота и, скажем, цену пятиграммового перстня, то, конечно, перстень окажется дороже раза в три. Артель выигрывает, а старатель в «пролёте» на столько же раз. Его ограбила «родная», далеко не бедная артель, уже на месте, как говорится, не отходя от кассы.

Чешет старатель «репу», мыслит, как эти золотые цацки до дому, до хаты довесть, чтоб по дороге не бомбанули ещё раз и чтоб самому в живых остаться. Доберёшься нормально – будет ещё одна головная боль: куда девать всё это «рыжьё»? Жрать его не будешь, в ломбард примут по весу как лом, зато потом продадут опять как ювелирное изделие. Получается, что и артель, и ломбард – жульё, и управы на них не было и нет. На базар тоже не понесёшь, сразу «прихлоп-

нут» или менты, или бандиты. Вот такую непростую задачу со множеством «неизвестных» предстояло решить старателям-добытчикам, но не всем. Некоторых из них уже в пути «ненавязчиво» избавили от этой головной и зубной боли другие старатели, «романтики с большой дороги», ворьё.

Ехали в вагоне два старателя, отец и сын, старый забирает у молодого его пакет с «бижутерией» в уверенности, что у него целее будет, ведь у него на теле «хитрый», специально сшитый пояс. А молодой и рад – золото у старого, а значит, можно и выпить после долгого поста. Сын открывает припасенную заветную бутылочку, а батя пошёл в тамбур покурить. Вернулся быстро, трясётся, бледный и, как оказалось, уже без золота. В тамбуре двое «плохишей» приставили к его седой голове ствол и спокойно объяснили, что им всё равно, как взять с него золото, с живого или не очень. При этом они «гостеприимно» распахнули дверь тамбура. Расклад ясен, но жизнь дороже! Это был натуральный, наглый гоп-стоп! Этот ПРИЕХАЛ! Но будут ещё и ещё. Слушайте! SOS!!!

«Чужая баба», вкуснотища??

Отмучил, отпахал мужик сезон, получил свои, как оказалось, довольно не хилые трудодни. Настроение радужное, всё позади, впереди только солнышко ласковое светит, ну и т. д. Чтоб по дороге никто не ограбил, не убил, оплатил полностью купе, затарился, как и положено, спиртным, жратвой и вперёд «савраска» до дома, до хаты. В поездах, помимо ворья всех мастей, ездят и «клофелинщицы», и «каталы», и картёжники, которые спокойно, без грубости и насилия оставят тебя не только без твоих кровных, но и без порток.

Наш старатель про «щипачей» знал не понаслышке, в карты не играл, а вот женщину он возжелал страстно. Она снилась ему весь сезон: красивая, аппетитная, но главное – чужая. Это стало для него навязчивой идеей, мечтой – оттрахать чужую бабу, пока он не доехал до своей родной. Своя тоже хороша, но ведь она своя, не чужая. Что вкусней, то, что ты ешь каждый день, и сколько хошь или то, что очень редко и по чуть-чуть?

Как только в потной руке проводника «осела» денежка, почти сразу нарисовалась и нужная девушка-мечта. Именно такая, какую он и хотел, но главное то, что она была совершенно чужой.

Проводник в преддверьи пьянки
Извертелся на пупе,
Тоже и официянтки,
А на первом полустанке
Села женщина в купе.
Может вам она как кляча
Мне, так просто в самый раз!
Я на Вачу ехал плача
Возвращаюсь веселясь.

В. Высоцкий.

И вот она, столь желанная «чужая дама» уже в купе. Всё стало пьяно и весело, а шаловливые лапы старателя уже и не знали, куда ещё можно залезть, если всё позволено и даже приветствуется. «Шишка» у мужика давно дымилась, а руки, истосковавшиеся по женскому телу продолжали «танго» по тому, о чём он так долго мечтал.

Дама только повизгивала, принимала самые соблазнительные позы и предлагала пить на «брудершафт» ещё и ещё. Как известно, время деньги, и «чужая» поторопила события, будто сгорая от страсти и любви. Она оказалась опытной и показала высший пилотаж, кореш был в восторге, ведь его супружница на такое не способна. Куролесили, ехали весело, проводник не успевал таскать в купе хмельное и закусь: спали, ели, пили, опять спали, просыпались, и всё опять было в пьяном угаре. Вечно это не могло продолжаться, и однажды мужик проснулся в гордом одиночестве, зазнобы и след

простыл, как впрочем, и денег, которые были в пиджаке в зашпиленном булавкой кармане.

Утешением было то, что основной капитал находился в рундуке, под ним, в итальянских женских сапожках, которые он раньше приобрёл для своей ненаглядной жены-бабы. Хитёр бобёр, но и путана оказалась не промах – под лежанкой сапогов-то давно и нетути, «ушли» знать с дамой. Очевидно, сумма в кармане пиджака её не устроила, и она решила возблагодарить себя за «труды тяжкие» ещё и сапого-итальяно, они довольно дорогие. Но какой приятный сюрприз её ожидает, когда она решит померить этот шедевр итальянского сапогостроения, ведь там, в самых носках она обнаружит тугие рулончики старательского полугодового каторжного заработка. Вот это фарт!

А старатель, ну что старатель? ПРИЕХАЛ!!!

Суток шесть как просквозило,
Море – вот оно стоит.
У меня, что было, сплыло.
Проводник воротит рыло
И за водкой не бежит.
Мимо носа носят чачу,
Мимо рота алычу,
Я на Вачу еду, плачу, над собою хохочу.

В. Высоцкий.

Поездная «торговка всем»

Этому старателю, тоже любителю «чужих» баб, повезло больше, он тоже истосковался по женской ласке, а увидев в проходе московскую молодуху, с продуктовой тележкой от вагона-ресторана, сразу сделал охотничью стойку: «Дичь». Вот она, такая желанная и незнакомая, высокая, красивая, декольте ниже некуда, соски наружу торчат, так и охота их потрогать, покрутить, юбчонка больше похожа на поясок для трусиков, но тот находится ещё ниже, и он с широкими, с кружевами резинками, а чёрные, почти под саму попу, чулки подчёркивают белизну полоски голого тела выше чулочков. И это был выстрел в сердце старателя жаканом и картечью по яйцам. По понятным причинам, ей нельзя нагибаться, но она крутится в проходе, нагибаясь к пассажирам и смущая их, то крупной, голой до самых сосков грудью, то широкой, филейной частью, разделенной пополам какой-то цепочкой, надо думать, это виртуальные трусики. Но раз на цепи, так, может, это пояс верности?

Она заехала в наше купе: «Мальчики, минералка, холодненькая минералка, кто желает, у кого головка вава?». Старатель, высокий худой, ещё не старый мужик, не в силах отвести взгляд от прелестей красотки, он пожирает её глазами, раздевает взглядом и, вдруг решившись, спрашивает: «А водочки у тебя не водится?» – «А почему нет, для хорошего

человека вообще ничего не пожалею». – «Сколько?» – «Что сколько?» – «Водка 500 р». – «Ну а ты сама?» – «А я стою недёшево, сам видишь, какой «товар», моя цена – 50000 тысяч рублей, и всю ночь я твоя, делай со мной, что хочешь и куда хочешь». – «Забито! Пошли скорей». – «Да ты что такой горячий, в десять вечера заходи в ресторан, а потом сразу пойдём ко мне». – «Замётано!

Тут нужно внести ясность, что всё это происходило во времена миллионеров, тогда многие ходили в миллионщиках, а старатели тем паче.

Промучился мужик до вечера, а потом, как лось сквозь тайгу, ломанулся на встречу с самкой. В купе он заявился только утром, сам едва на ногах стоит, а глаза светятся от восторга: «Вот это, мужики, баба, в жизни такой не встречал и никогда не встречу, жаль, что она сделана в одном экземпляре. Сегодня опять пойду, отдам ей „лимон“, не деньгах счастье, мужики, а вот в таких вот женщинах. Жаль, что у неё семья, дети, муж, а с такими, как я, она просто подрабатывает, она говорит, что все девочки в поезде этим занимаются, и мужьям об этом знать ни чему».

Дай бог, чтобы побольше было вот таких старательских баек, со счастливым концом.

«Добрый дяденька»

В эту же осень, в это же время, с той же артели другой старатель, не менее уверенный в себе, чем Криворожские хохлы, ехал в отдельном купе, с того самого «Ерофей ПАЛЫЧА». На руках у него было 22 «лимона» целковых, а это было то время, когда миллионеров было, как собак нерезаных. Так вот сидит этот «хрен моржовый» в своём купе, напевая близкую и понятную ему песенку Высоцкого: «Я на Вачу еду плачу, еду с Вачи хохочу». На столе у него и колбаска хорошая, и балычок, проезжая Байкал, он купил на пирсе у бабулек омулей да икорки омулёвой литровую баночку. Это уже для дома, своим гостинец дефицитный. Для себя взял картохи отварной, горячей, бочковых огурчиков в пупырышках, грибочков солёных баночку. Всё есть на перроне, пирсе паровозном, покупай, раскошеливайся. Ну, жратвой вроде затарился и пивка десяток бутылочек тоже взял. Едет мужик кайфует, любуется природой за окошком, сидит, блин, как в «кине»: пиво пьёт, табачище смолит. Хорошо ему, чёрт подери, красота, а душа поёт и подгоняет стук колёс. Так уж вышло, что отпахал он десять месяцев без единого выходного, по двенадцать часов, (а это что-то значит), и всё уже позади. Скоро, совсем скоро он увидит жену, сына, и это то, ради чего стоит жить.

Идиллия нарушается, когда в дверь купе кто-то стучит

и появляется проводник, а за его спиной маячит, толчётся пацан, на вид лет шестнадцати. Следует горячая просьба пустить к себе малолетку, у него нет ни денег, ни билета, а у тебя, мол, за купе оплачено полностью, и, значит, контролёры не будут в претензии, если даже и обнаружат «зайку». «Пусти, братан, жалко мальца, это всего на несколько перегонов, он тебя не стеснит», – уговаривает проводник мужика. «Ладно, мужики, я ведь не зверь и не барыга, заходи, вьюноша, располагайся, вдвоём-то, глядишь, и веселей будет». Знал бы тот старатель, какую змеюку пустил себе за пазуху, и как «весело» ему потом станет, ведь это был подселенный проводниками, московскими педерастами, наводчиками, «казачок».

Но старатель пока в «незнайке», он знакомится с соплячком, угощает деликатесами, разумея, что негоже растущему организму голодать. Игорёк, так звали иудушку, жрёт с аппетитом и вешает доброму дяденьке лапшу на уши. Бает что: «Папка пьёт, мамка бьёт, бабка голодом морит, а сеструха старшая, проститутка, вообще из дому выгнала. Сейчас вот еду к другой бабке, может, пожалеет, пустит на зиму-то». Старателя аж слеза прошибла от такой печальной повести, утешил он пацана, успокоил да и спать уложил, укрыв своей дохой. За окном уже была ночь, мелькали огни полустанков и видны были уходящие в небо лучи от фар машин на дорогах. Нужно бы и самому вздремнуть, отдохнуть от всех этих житейских передряг. Сбегал скоренько в гальюн, отлил

лишнее пиво, прилёг, почти упал, вдруг почувствовав себя плохо, подумал, что это от переутомления и всё пройдёт, и утром он опять будет, как огурец, зелёный и в пупырышках, а утро вечера мудренее, дожить бы только до утра. Это было последнее, о чём он подумал, и сразу провалился куда-то, только не в сон, а в какие-то «тартарары».

Очнулся добрый дядя почти через сутки и уже бог знает где. Сердечко молотит через раз, вот-вот остановится, заклинит, в карманах вакуум, двадцать два с лишним «лимона» каторжных рублей «ушли», испарились. Рюкзак вывернут наизнанку, видимо, ещё искал, гадёныш. Со стола исчезли даже все продукты, остались только документы и билет, ну и то ладно. Сразу вгорячах кинулся к проводникам: «Где пацан, когда он вылез, где?» Те говорят, что пацан выскочил той же ночью, а где не знают и не помнят. Дошло до мужика, что это была «подстава», что всё это звенья одной цепи, разорвать которую ему не под силу. Шансов что-то найти – ноль! Но самое обидное, что этим старателем и добрым дяденькой был я. «ПРИЕХАЛ» ПРОСТОДЫРЫЙ! (учитель хренов).

«Вредные советы»

Исходя из собственного опыта и опыта товарищей по части снабжения ворья деньгами, что у меня по разным причинам случалось не раз, хотелось бы подвести черту и дать «вредные советы»:

Когда едешь с приличными деньгами, обязательно набухайся, чтоб все видели, какой ты крутой и что тебе всё по херу! Держи марку везде и всем всячески «намякивай», что ты не так уж беден, как кажешься, это обязательно заинтересует какого-нибудь «Бендера,» а вдруг ты подпольный миллионер «Корейко?» А? Если пить не хочешь или не можешь, кидай на всех подозрительные «косяки» и почаще, хватайся за карман или то место, где у тебя прячутся твои кровные, кому нужно, те сразу оценят твою «скромность»! Не клади «бабки» далеко и в разные места, скучкуй их в одном месте, не нужно усложнять работу «романтикам с большой дороги»! Если где-то нужно рассчитаться за что-то, не тяни из кармана по рублю, а красиво и эффектно выхватывай всю «наличку» сразу. Это произведёт впечатление, и ворьё, будучи в глубоком шоке от твоей наглости, тихо исчезнет с твоего горизонта!

В дороге не бухай сам на сам, угощай других. Покажи истинную широту русской натуры, ворьё тебя шибко зауважает и отдаст тебе даже своё «бабло!» Если и после всего этого

твои денежки всё ещё при тебе, то это халатность ворья или просто на всех дураков не хватает воровского штата. Не унывай, ведь ещё можно пригласить даму с клофелином в сумочке, и если таковой не окажется в вагоне или на вокзале, соглашайся перекинуться в картишки с любым, кто тебе предложит «партийку», по копеечке для пущего антересу. Тогда ты увидишь, как твоя сумма в «загашнике» скоренько «увеличится» прямо пропорционально твоей глупости и стадии опьянения.

Вор никогда не похож на вора, в нашем представлении «фиксатого» блатного, пальцы веером рецидивиста. Это может быть вежливый, интиллегентный человек, он психолог, он поговорит с вами, влезет в вашу душу и без мыла в задницу. Это не «бандюк» с гоп-стопом, он из элиты воровского общества и «работает» чисто, и когда вы поймёте что вас обчистили, будет уже поздно. У каждого из них своя манера работы, свой стиль, своя «метода», и выглядят они по-разному, единственное, что у них общего – это то, что все они паразиты, живущие за чужой счёт.

Если ещё сказать о паразитах, то почти все чинуши жируют, паразитируют на теле России, а это уже гораздо серьёзнее и отдельная тема. Но думаю, что любой, самый матёрый ворюга – ребёнок по сравнению со слугой народа. Вот где размах, масштабы, астрономические суммы и безнаказанность!

Я рассказываю о том, что, на мой взгляд, может быть интересно для тебя, делюсь с тобой жизненным опытом, впе-

чатлениями. Если ты почерпнёшь из моих рассказов что-то полезное для себя и сможешь жить, не повторяя моих ошибок, значит – моя цель, достигнута. Нет смысла учиться только на своих ошибках, это больно и глупо. Но это не панацея от жизненных ошибок, нет и не будет ни у кого и никогда путеводителя по жизни. Каждый живёт только свою жизнь, совершает только свои ошибки. Будь мудрей, слушай своё сердце, оно не обманет, научись отличать «зерно от плевел», мнимого друга от настоящего. Постарайся жить в гармонии с самим собой, будь оптимистом и всегда помни, что не мы ради денег – но деньги ради нас.

Старатель Вася из Алдана

Нерюнгри в простонародье «Нюрка», южная, но всё же Якутия. И в который раз судьба преподносит мне свои сюрпризы. Вот и в этот раз нежданно-негаданно я оказался под следствием за то, чего не совершал. Как это в жизни бывает, помогли «доброжелатели»: донесли, «капнули» в лучших традициях сталинских времён. Ну а ментам лишь нужно было «остро» и своевременно отреагировать на этот «сигнал» и принять меры.

Для начала меня не хило попинали, заставляли подписывать какие-то бумаги, а потом дубинкой долго наставляли на путь истинный. Пока эти фараоны надо мной куражились, отыскался и «тот парень», за которого я отдувался. Глубоко разочарованные менты выпнули меня на свет божий, пообещав на «посошок» упечь меня, когда я опять стану их клиентом. Со мной в камере, в ожидании суда, прозябал молодой мужик, старатель с Алдана, «дразнили» его Василием, и это моё небольшое повествование не обо мне, а о нём.

Пока шло следствие, я валялся на нарах, зализывая свои физические и душевные раны, и у меня всё ещё теплилась надежда, что следаки разберутся, что я не заблудшая овца, но чист аки агнец божий. Василий – полная противоположность мне, пока я давил нары в ожидании жидкого чая и баланды, он с самого утра энергично делал зарядку, потом в те-

чение дня приседал, отжимался, прыгал, боксировал с тенью, и т. д. Я как-то сдуру под… нул его: «К какому чемпионату ты, Василий, готовишься?» Ответ был прост: «К тому, который продлится для меня восемь лет». Любимое чтиво для него было УК РСФСР, который он знал на «зубок». Менты Васю уважали за характер, за серьёзную статью и за срок. который ему корячился. Хотя он и был не речист, всё больше молчал, боясь обронить ненароком лишнее слово, но мне немного рассказал о себе и как «залетел» по-глупому. Тяжело ему было держать всё это в себе.

Вася «старался» в одной из артелей Алдана и в какой-то момент, поддавшись искушению, пошёл ва-банк и увёл энное количество презренного металла, решив, что риск – это благородное дело, и государство от этого не обеднеет. Помня, что язык мой, враг мой, Вася особо не откровенничал, а я, всё понимая, тоже не любопытничал, найдёт нужным, расскажет.

Русский человек всегда был крепок задним умом, добротой и верой в «авось». Авось повезёт, авось «пролезет», а вдруг не попадусь, и всё на авось. У Васи тоже всё было шито-крыто, и уже казалось, что наше родное авось сработало, но подвела парня доброта и опять же, «авоська». Случайно встретив старого кента, с которым он когда-то батрачил в артели и который уже не один год толкался на «биче», Вася душевно угостил того, потолковали о жизни, о старательском фарте, разговор под водочку «вязался» ладком, и бы-

ло, что вспомнить и кого помянуть. По пьяной лавочке Вася случайно обмолвился, что он в куражах, и вся его дальнейшая жизнь будет тоже в шоколаде. Кореш всё мотал на ус да подливал Василию в гранёный стопарь, забывая про себя. Он давно «устриг» пачки ассигнаций в Васькиных карманах и кожаном, увесистом «лапотнике».

Расставались кенты неохотно, долго жали друг другу руки и обнимались до тех пор, пока увесистые пачки и Васин кошель не поменяли хозяина. С зарплатой за полгода они перекочевали в дырявый карман бича, после чего тот шустро слинял с Васиного штормящего горизонта. На утро он не помнил ни того, с кем был, ни того, где был и куда испарились его артельские трудодни. Он был пуст, как бубен шамана. Пока бедолага валялся в гостинице, маясь мыслями и головной болью, менты не спали и к вечеру нанесли ему визит со всякими разными расспросами и наручниками наготове.

Как и положено, все, кто не работает, бичует, квасит почёрному, были у ментов на заметке, и когда Васин корефан стал брать водку ящиками, закусь мешками да ящиками да ещё в сопровождении свиты, толпы таких же отбросов, как и он сам, его сразу взяли за жопу: «Рассказывай, кнут, как на духу, кого бомбанул? Только не говори, что нашёл на дороге и уже нёс нам в ментовку». Вывернули «лапотник» наизнанку, а там документы Васькины, деньги и несколько «рыжих» самородков. Это же надо какая удача, ведь это сразу звезда на погон аль даже медалька на грудь из жести.

У ментов даже головки закружились от таких перспектив, вот это удача, вот это фарт! Вот так и влип Вася по своей же вине по самое «не хочу».

Ну а пока он ждёт этапа на суд в Алдан, где и «пошалил» с золотишком. Менты таскают ему в камеру курево и уважительно зовут по имени, отчеству. Вскоре Васю увезли на суд, скорый и правый да ещё и показательный, дабы другим неповадно было. И, да здравствует наш советский суд, самый гуманный суд в мире. Скорого тебе «звонка», сиделец Василий, или хотя бы УДО. Ты выдержишь, Вася!

Старатель по жизни, Мыкола «Седой»

Колёк, погоняло «седой», старатель по жизни, он из тех, про кого говорят: «рубаха парень». Жил по совести, а не по понятиям, на чужое никогда не зарился, для друга мог последнее отдать. За двадцать лет «старания» на Магаданском прииске, в артели имени «Гастелло», бабок заработал немерено, но всегда жил на широкую ногу, и они у него не задерживались. Так было двадцать лет, из года в год. В «Нюрку» Коля попал случайно да так и прижился здесь, не поехал больше в свою артель. Случайно и с женщиной познакомился случайной и страшной, как моя жизнь. В своё время она держала в своих нежных «женских» ручках всю женскую зону. За какие дела она схлопотала солидный срок, никто не ведал, и её прошлое было покрыто мраком неизвестности. Колёк звал её «Коблой» и «Гермафродитом», наверное, потому, что она брилась как мужик, как мужик курила папиросы «Север», говорила мужским, хриплым, пропитым голосом, и никто и никогда не видел её в юбке. В женской бане она тоже не бывала, мылась только в отдельных душевых. Ходила в кирзачах и брезентухе, поскольку работала «лепилой», то есть сварщицей, пахала она как зверь и варила отлично.

Мужики её боялись и шарахались от неё, как чёрт от ладана, и были на то веские причины. Никому не дано было понять, чем она Мыколу приворожила, околдовала, но «прилип» он к ней крепко. Любовь зла настолько, что несмотря на то, что не было более непохожих людей, чем Колёк и Кобла, а вот подишь ты. Любовь! Ложь, что браки заключаются на небесах, на самом деле это бесы тешатся, всё идёт от бесов (это просто, как один из вариантов).

Оставляем в покое «голубку», ведь сказ-то о «голубе», то есть Мыколе. Батрача последний сезон в артели, Коля получает из дому письмецо, в котором родные пишут, что мать болеет шибко и уж совсем плоха. В конце сезона Коля получает свои «трудодни» и летит к «нэньке Украине» и своей родной нэньке, которую не видел изрядное количество лет. В те времена на северах людям, улетающим на Большую землю или, как ещё говорят, на Материк, зарплату и отпускные выдавали «аккредитивами», по ним можно было получить свои кровные в любой сберкассе, но не ниже районного масштаба. В случае утери или ограбления, аккредитивом никто не сможет воспользоваться, а другой раз и сам хозяин, если у него с «бодуна» будут ручонки трястись. Во все времена людей, едущих с заработков, грабили, грабят и будут грабить. А грабит их другая категория старателей – это «романтики с большой дороги».

Это у них осенью начинается страда и самый «сенокос», ворьё не упустит любого пьяненького, будь-то старатель, ле-

соруб, рыбак после путины. У этих тварей всё «схвачено»: поезда, вокзалы, аэропорты и т. д. И зачастую милиция, которая «меня бережёт», с ними в доле.

Мыкола всю эту «кухню» давно знал: сам, будучи не раз и ограбленным, и обобранным, и по головушке непутёвой битым, поэтому в дороге бухать поостерёгся и нормально долетел до дома, до хаты. На северах уже завьюжило, а в Украйне всё ещё было зелено и зимой пока и не пахло. Колёк в родном райцентре набрал гостинцев три мешка да три ящика, на всю родню ближнюю и дальнюю, не забыл и про соседей, кумовьёв. Загрузил всё это в такси районного масштаба, то бишь старый «Москвич» и вкатил в родной хутор королём.

Мать, видно, передумала умирать и возилась на грядках, в огороде. Кольку старая за сына не признала, потому-то и кликнула соседей, чтоб выкинуть за тын этого седого мужика, набивавшегося ей в сыновья. Да и как его признаешь, ведь уезжал из дому молодой, худенький, черноволосый парубок, а тут стоит здоровенный хряк, с белой головой и грудью, густо заросшей курчавой, тоже седой шерстью. А у Кольки, по артельской привычке, как всегда, всё на «ростопашку», пузо до пупа голое, любуйтесь все моим «момоном».

Кое-как Мыколу всё же опознали, признали и узнали, и всё вокруг него сразу завертелось, закружилось. Ведь нужно гостя дорогого приветить, встретить по-«людски» и угостить по-человечески. А уж причина-то для застолья ка-

кая, тут и сам председатель колхоза, строгий мужик, слова не вякнет. Срочно «завалили» кабанчика – «свежина» будет на столе да колбаска домашняя колечками с пылу, с жару, сделают и кровяную колбасу с кашей да салом. Попозже подадут на стол и свиной желудок, сальтисон, вынутый из-под пресса, и который тоже набит свининой со специями. Это украинское фирменное блюдо! А колбасы, сальтисон да сало – самая традиционная еда на Украине.

Столы в саду накрыты и чего только на них нет: разные колбасы и сыры магазинные, икра чёрная паюсная, красная крупнозернистая, лососёвая (знай наших!), конфеты шоколадные и разные трюфели и зефиры, есть ещё и торты с цветами кремовыми. Бутылки стоят «забугорные», одна краше другой: тут тебе и «виски», и «бренди», и коньяки, а для дам вина сладкие да «шампуни» игристые. Это всё презент от Николая, а вот про нашенское, домашнее угощение и говорить не буду, во-первых, бумаги не хватит всё перечислить, а во-вторых, слюной можно захлебнуться, даже если ты и сыт.

Но вот все расселись по обе стороны от Мыколы, по степени родства, хотя каждый норовил быть поближе. Уже налиты гранёные стаканы, звучит первый тост за блудного сына Мыколу и за то, что он не забыл дорогу в отчий дом. Второй тост был за мать, родившую его и за отца (покойного), сделавшего его. Потом долго (никого не забывая) пили за всю родню и все православные праздники, которых оказалось больше,

чем дней в високосный год, и не все дошли до «финиша», в своём пьяном религиозном экстазе.

Гости налегали на городское угощение (баловство одно), а Мыкола всё больше на домашнюю колбаску, сало, жареную свинину и добрую «горилку». За годы скитаний соскучился по нормальной деревенской пище и сейчас навёрстывал упущенное, наедался впрок. Ножки у столов подламывались от всевозможных закусок, заедок да запивок. Вся родня, весь хутор – все пришли не с пустыми руками, и, казалось, что такого количества продуктов, «браг» да «горилок» никогда ни съесть, ни выпить. Но это лишь только казалось! Пока на столе есть что пить и чем «занюхать», хохол не сдастся и не вылезет из-за стола, скорее, он упадёт под стол. «Злой» он на это дело, тем более, если на дурняк, то вообще звереет.

По просьбе гостей, «гарный казак» Мыкола начал было что-то рассказывать о своём житье-бытье на северах, о старателях, о золоте, но вскоре никто его уже не слушал, и он заткнулся, чего никто и не заметил. Куролесили до первых петухов, пока не пришёл председатель колхоза и пинками не разогнал самых «упорных «питухов» по домам отсыпаться, а Колю по-свойски попросил не спаивать сельчан.

Старательский отпуск до марта месяца, а это почитай пять месяцев безделья. Народ сельский весь при деле, все работают, лишь Мыкола «груши околачивает» да бухает, как и привык за все свои старательские годы. Вот только землякам интересно стало, «видкиля у Мыколы стильки грошей? Дэ вин

их бэрэ?»

Участковому это было тоже интересно, и хотя он был один на три колхоза, он знал всё и обо всех. Вот только «гость» был пока для него «тёмной лошадкой». По этой-то причине он и завёл однажды, этот «Анискин», разговор с Колькиной маманей: «А скажи-ка мэни, стара, видкиля у твого Мыколы стильки грошей? Нидэ ни робэ, пье як лошадь, мужикив усих споив в сельпе, бэрэ шо хоче и скильки хоче. Уси людыны довжны буты однаковы, чи ныщи, чи богати. А твий Мыкола, сам ныщий, а вэдэ сэбэ як богач». Старушка-мать по своему простодушию и рассказывает: «У мого Кольки, як гроши кинчаюца, вин бэрэ якись бумажки, идэ в район, а виттиля прыежае вже с грошми. Тай мабудь воруе дэсь».

Вот старая «удружила» сыну. Мыколу разбудили и полупьяного увезли в район, в тамошнее отделение милиции, ладно, что он догадался прихватить с собой аккредитив, привычка сработала. Там стали его «пытать», «видкиля у нёго стильки грошей, почему вин нэ робэ, и шо цэ за отпуск половына року?»

Мыкола кажет им отпускную справку из артели, справку о заработке и аккредитивы. Менты в полных непонятках: «Якиж цэ гроши? И нэ можэ чоловик стильки зароблять. Цэ брэхня!» Коля говорит им: «Поехали в сберкассу, сами увидите». Поехали, получили, набрали выпивки и через несколько часов вся доблестная районная милиция была на «бровях». К вечеру Кольку вернули на хутор с почётом

и извинениями, только ещё пьяней чем до «того».

Поскольку он уже по новой «завёлся», то для пущего «куражу» закупил на «корню» местное сельпо, вместе со всем товаром и засидевшейся в девках грудастой хохлушкой. Она давно уже томилась, спала и видела во снах своих девичьих, что у неё муж-красавец и добытчик, а по двору бегает дюжина ребятишек, никак не меньше, потому что с такими титями как у неё меньше никак не может быть.

Для сельчан Колька вытащил из «сельпа» все продукты: муку, сахар, соль, макароны, крупы и многое другое; для себя с зазнобой оставил: водку, курево и какую-то закусь в банках, консервы. Окна Мыкола закрыл наглухо, а на двери навесил все таблички, какие только нашёл в лавке: «Я болею», «Я в райони», «Учёт», ну и т. д. От себя на картонке чёрным «оливцем» Мыкола написал большими буквами: «НЕ СТУЧАТЬ!», пошли вы все на …!

Молва о дармовых продуктах птицей пролетела по хутору, всё расхватали в момент, не обошлось и без жертв, как-то: попорченные причёски, порванные кофтёнки – это, конечно, у женщин, а вот у казаков фингалы и даже выхлестнутые наскоро и не по злобе зубы. Всего этого Колька со своей пассией уже не видел и не слышал. У него, как у глухаря на току, заклинило слух, он пел свою любовную песню и видел только свою пышную самочку. Ровно трое суток лавка была на «карантине», и все эти дни сельчане приходили словно нищие на паперть, в ожидании «манны небесной». Но, увы! Лишь

на четвёртый день из дверей показалась опухшая, но счастливая рожа Мыколы. Праздник окончен, пора опять в путь-дорогу, и этот последний загул и стал его «лебединой песней».

Перед отъездом он оставил матери столько грошей, сколь вся деревня и за год не получала. Уезжал, убегал ночью, потому что половина хутора изъявила желание бросить родные нивы и податься с ним на заработки. Про своё обещание жениться на титястой хохлушке он забыл, как только вышел из «сельпа». Не судьба знать!

Как всё непросто в жизни этой

Конец февраля, март время начала ремонта техники, а значит и время собирать рюкзак в дорогу. Чему я вовсе не обрадовался как следовало бы ожидать, а подумал: – Опять блин всё по новой! Как надоела мне эта невезуха, пролёт за пролётом, из года в год. Фортуна, повернись ко мне фасадом, кликни братца Фарта, дайте мне хоть вздохнуть, ведь достала меня ваша кума «Безнадёга». Вот и вся моя старательская молитва! За зиму я почти оклемался, а весной, весенний шальной ветерок опять занёс меня в Амурскую область в надежде обрести надёжный причал в артели «Чихпых». (артельский юмор)

Но, всё случилось так, как и следовало ожидать. Никто меня не услышал, никто мне не не помог, а госпожа Удача, окончательно отвернулись от меня. Новая случайная артель, находилась у чёрта на куличках, в глухой тайге но в глубоком распадке по которой куда-то торопился небольшой, но якобы золотоносный ручей. Но, старая техника, всякие неувязки в регистрации артели, выделение бедных с низким содержанием золота земель, недостаток опыта в организации промывки, и как следствие, полный «пролёт». Всё одно к одному, я хоть уже и сталкивался с этим, но мне от этого не стало легче. Фортуна повернулась попой, и мы знаем что это такое, мы это уже проходили, и не одножды. Сплошная очень

длинная, очень чёрная полоса без малейшего просвета.

Артель «Напрасный труд»

Как и в Колымской артели где работал на бульдозере, а временами и на мониторе, я и здесь «пахал» с таким удовольствием, что слюнки текли. Но в конце промывочного сезона, когда я окончательно понял, что и я и моя старательская артель в полном пролёте, то, не дожидаясь всеобщего расчёта, выпросил у «преда» денег на проезд, а у артельского кока немного харчей, вскинул тощий рюкзачёк на плечо и пёхом двинул по накатанной лесной дороге в надежде, что кто-нибудь подберёт странника бредущего одним курсом с дорогой.

Уже отмахав с десяток километров, слышу позади шум мотора, меня догоняла вахтовка ГАЗ-66, это была машина старателей с другой артели, мы иногда встречались с ними, обращались за помощью, обменивались запчастями, да и наши боссы контачили меж собой, хотя и являлись конкурентами. В будке вахтовки находилось с десяток старателей, они тоже закончили промывочный сезон и первая партия джентльменов удачи устремилась, как и я же, в сторону того, что, как потом выяснилось, с большой натяжкой можно было назвать аэропортом.

Это были шумные, весёлые, бородатые мужики, и, несмотря на тяжкий труд, в течение как минимум шести месяцев без единого выходного, усталыми и изработанными

они не выглядели, о чём и свидетельствовал их громогласный хохот. Я тоже был один из них, но они сейчас были в куражах, а я в глубокой заднице, в промоте и в пролёте. Весь сезон артель лихорадило: то нет запчастей, то топлива, а то сразу ни того, ни другого. Только всё наладилось, оказалось, что что-то неладно с бумагами на землю и полигон, где уже началась промывка золота. В общем богатенький полигон у нас отобрали, но выделили другой, с ещё более бедным содержанием металла.

В общем, такая чехарда продолжалась весь сезон, пока почти в конце «пред» артели не выдал мне рублишек на дорогу в один конец, благословил и пригласил батрачить на следующий сезон, обещав, что уж тогда-то всё будет чики-чики. Он даже побожился, что после того, как окончательно подобьёт «итого», вышлет остальные трудодни мне домой, которого у меня не было. Свежо предание, и я это уже проходил, а полный расчёт он не даёт, чтоб старатели возвращались к нему в смутной надежде урвать уже заработанное. Сволочь, однако, как и большинство предов, но риск это, если хотите, издержки и специфика старательской работы. А так называемый «фарт», в моём случае ни при чём, просто рядовая непруха с невезухой, и если Фарт братец Фортуны, то эти две уродливые и несчастливые девки её сродные сеструхи и мои попутчицы.

С парнями я перезнакомился в дороге, в тряской будке ГАЗ-66, и у меня появилось такое чувство, что именно с ни-

ми я отпахал весь сезон. Через пару часов, очень откровенно и от всей души прокляв и дорогу, и водилу, бывшего танкиста, мы вытряхнулись на землю, которая тоже, казалось, вибрировала и тряслась. В небольшом зальчике маленького деревянного здания аэропорта мы расположились как дома, а пока суетились, устраивались да доставали припасы, вернулась вахтовка, предусмотрительно посланная в деревенское сельпо. Чтоб не мелочиться, взяли сразу ящик водяры, не гонять же машину зря, да и чтоб самим потом на «лечение» хватило. Плеснув водиле полный стакан на «посошок», они отпустили своё приисковое такси и принялись обмывать конец сезона. У меня такой радости и эйфории не было, и я, выпив с ними за компашку, вышел из прокуренной избы аэропорта на свежий воздух.

Осенняя тайга, какая красота

Посадочная полоса представляла собой таёжную просеку и кроме вертолётов и легендарного «Кукурузника», вряд ли какой другой лайнер мог не разбиться на этих кочках и пеньках. Осенняя тайга играла всеми цветами радуги, и я как цветные карандаши перебирал взглядом жёлто-багровые клёны, пожелтевшие тополя, берёзки, вечнозелёные ели и ёлки. Воздух ещё пах дурманом пряной травы и цветов, но в нём уже был запах первого снега, искры которого уже блестели в лучах осеннего солнца. Эти, пока ещё просто блёстки, и были предвестниками зимы, морозов и метелей.

Я никогда не встречал в якутской или колымской тайге клёнов, ясеня, дуба, но здесь в амурской тайге всё это жило, цвело и пахло. Преобладали, конечно, наша русская берёзка, ель, сосна, громадные лиственницы, были и кедрач с огромными шишками, и пахучая пихта. Всё это природное разнообразие радовало глаз человека, давало приют и корм всевозможным птицам, зверям и зверушкам. Говорят, что леса это лёгкие планеты, а какой воздух в лесу, особенно в утренние часы, когда нагревшаяся за день земля всё ещё отдаёт накопившееся тепло, источая ароматы всевозможных трав и цветов, запах хвои и почему-то пасеки, пчёл и мёда. Этот воздух можно пить, наслаждаясь каждым глотком, каждым вздохом.

Панихида по природе

Но приходит сюда человек, он хозяин всей этой природной лепоты и гармонии. Он приходит с топором и вонючей, трещащей бензопилой. Он – «гомо сапиенс», человек разумный, поэтому он валит деревья, уничтожая то, что должен был беречь как зеницу ока. Он крушит всё подряд, оставляя после себя лишь пеньки, обрубленные руки деревьев, ветки да задавленную, растоптанную молодую поросль, лес стал кладбищем.

Другие, не менее «разумные» и предприимчивые приезжают уже на машинах и бульдозерах. Этим нужно золото, много золота, всё золото до крупинки, до пылинки. Они делают матери-земле кесарево сечение и достают, выгребают из её чрева то, ради чего они готовы и родную мать убить. Это золото!

Такие же «дети» земли, истощая её недра, бурят скважины, высасывая земную кровь-нефть, артерии земли-матушки, реки и ручьи они перекрывают плотинами. Это как тромбы в сосудах человека. Все таёжные обитатели в ужасе и страхе улетают, убегают, уходят и уползают, кто не успел, тот погиб. Не лучше и обитателям морей, рек и океанов, их тоже травят, вылавливают, уничтожают, как только могут, и всё это делает Он, «человек разумный».

Пьём и ждём. Ждём и опять пьём

События последних дней, стресс и ранее выпитая водка сделали своё дело, от огорчения и жалости за нашу флору и фауну, за всю землю и землян, меня прошибла пьяная слеза, и чтоб как-то восстановить душевное равновесие, я вернулся в компанию старателей, налил стакан водки, провозгласил тост и стоя выпил за зелёного друга, нет не чёрта или зелёного «змия», но за лес! Стакан «антистресса» помог обрести мне утраченное было спокойствие и душевный комфорт. То, что я с этим перестарался, я понял только на следующий день, когда весь «позитив», приобретенный вечером, улетучился. На душе камень, во рту как кошки гадили, да и было ощущение, будто в дерьмо окунулся с головой. Ставлю сам себе неутешительный диагноз: давно не бухал, потерял алкогольно-спортивную форму, нужно срочно восстанавливаться и навёрстывать упущенное.

Про вчерашний вечер помню только, что долго под гитару орали песни, потом развели на улице громадный кострище и продолжили попойку уже возле него. Ночью кончилось «горючее», и пацаны помоложе упылили в деревню за самогоном, а вернулись с флягой ядрёной браги и двумя, кажется, совершеннолетними, но тоже ядрёными местными фрау. Угасавший было банкет вспыхнул с новой силой, продолжался до рассвета, и даже посыпавший с небес мохнатый снег

не стал никому помехой. В это время я давно дрых без задних ног на чьих-то чемоданах и рюкзаках, заботливо укрытый чужой курткой, и мне, как и в детстве, снились то розовые сны восхода, то зелёные, с желтизной таёжные сны осенней природы.

Разгул девяностых, безвластие

Утром начальник порта по идиотски радостно объявил, что сегодня борта опять не будет по причине отсутствия топлива для самолётов. Я забыл сказать, что по улицам ещё шагали, как их потом назовут, «лихие девяностые». А по России всё ещё шёл чиновничий и бандитский беспредел: захват, именуемый приватизацией, заводов, фабрик, лесов, нефтяных и газовых скважин и уж тем более золотых приисков. Думаю, что всё это и было причиной «пролёта» нашей молодой артели, нас просто задавили. По стране шла мутная, злобная и беспощадная волна бандитских разборок, рэкета, заказных убийств, жизнь человечья гроша ломаного не стоила. Каждый хапал сколько мог, но более сильным и наглым всегда доставались более жирные куски. Работяги в это время не жили, а выживали, существовали, пытаясь понять, что происходит в нашем мире и в стране.

Неужели это и есть тот самый, «звериный оскал капитализма» с плакатов Советской эпохи? Неужели пришёл тот самый, так называемый «рынок»? Страх сегодня, страх перед завтрашним днём, ужас и безнадёга. Как выжить в этом бедламе, чем кормить детей, как поставить их на ноги, сохранить и не отдать их в армию охреневшим от наркоты «дедушкам» и трусливым, продажным офицерам? Как уберечь сына от смерти в Афгане или Чечне, не дать погибнуть в мир-

ное время от руки бандита или мента-омоновца? Вопросов много, а ответов нет.

После сообщения об отмене рейса, в наших сплоченных рядах ненадолго поселилось всеобщее уныние, но жизнь брала своё, и к обеду тайга опять огласилась гитарными аккордами и самодельными песнями. В пьяном угаре прошли ещё сутки, а на следующее утро начальник порта, побоявшись выйти к людям, прохрипел из своего чулана по динамику об очередной отмене рейса по причине отсутствия сухого сена для топки «Кукурузника». Проклятье!

Продукты, взятые в дорогу из артельного котла кончались, а когда в «сельпе» кончилась и водка, стало совсем тоскливо. Вонючий самогон не лился в горло, а браги у аборигенов уже, или пока, но не было. Я почти всё время просиживал на облюбованном пеньке, размышлял о превратностях судьбы, читал походный, замусоленный временем и руками томик Есенина, курил и любовался тайгой. Долго не мог оторваться от боли есенинских строк, у него все строки дышат любовью к России и не выстраданной болью за чужие судьбы. А вот к самому себе, мне кажется было, такое же хулиганское отношение, как и к жизни: «И теперь говорю я не маме, а в чужой и хохочущий сброд: «Ничего! Я споткнулся о камень, это к завтраму всё заживёт» (звучит как заклинание).

Забыв обо всём, я всё читаю Серёгу, ища какой-то новый смысл, но его нет, он каждый раз читается по-другому, воспринимается по-новому. Но его строки и то, что в них зало-

жено, это для меня как наркотик, и это то, без чего ты уже жить не сможешь. Будет в жизни тяжело, даже невозможно – заставь себя открыть томик или просто вспомни строки Есенина, и боль отпустит, отступит. Сужу по себе.

«Нашествие»? Страх

Нам уже всё осточертело, мы стали терять счёт дням, и уже не хотелось бухать и орать песни, затянувшаяся ожидаловка и сезонная усталость давали о себе знать. В один из дней, когда я уже по привычке шлифовал задницей свой, давно облюбованный пенёк, вдруг послышался знакомый ещё по экспедициям тяжёлый, мощный рокот, который ни с чем другим нельзя было спутать. Из-за леса, на небольшой высоте показалась тройка военных вертолётов МИ-6, за первой тройкой вторая, потом ещё и ещё, и ещё. Казалось, что всё небо заполнено ими, и не стало места даже для облаков: они шли волнами, от горизонта до горизонта, грязно-зелёные камуфляжные машины производили впечатление грозной, неотвратимой силы.

Они были как бездушные роботы с других планет, которые всё знают, всё видят и готовы в любой момент приступить к уничтожению всего живого на земле. Казалось, это было начало войны миров, это было нашествие космических роботов из фантастических рассказов Герберта Уэллса; стало жутковато, появилось ощущение, что все мы и наш мир очень беззащитны и хрупки перед силами Вселенной.

Недостаток эмоций и воображения – это духовная нищета, но переизбыток оных качеств может привести и в психушку. Но вот последняя тройка геликоптеров-винтокрылов

исчезла в голубой дымке неба, и наступила такая звенящая тишина, что стали слышны даже удары собственного сердца. Я оглянулся назад – на улице стояли все старатели: и пьяные, и трезвые, они, как и я, проводив взглядом воздушную армаду, стояли и молчали. Что-то вдруг изменилось в поведении людей, все почему-то отворачивали, прятали друг от друга взгляды и молчали.

Осень в тайге, осень в душе, а я спасаю свои ноги.

В ту ночь деревья окончательно оделись в зимние наряды, одев как невесты белую фату из снега, и всё вокруг изменилось, даже небо. На земле были видны лишь редкие проплешины пожухлой, но до конца не пожелтевшей травы, она так и умрёт, не до конца состарившись, чтоб весной вновь вспыхнуть молодым зелёным цветом, как и было задумано Создателем.

Я давно испытывал сильнейший дискомфорт в ногах, у меня слиплись пальцы ног, а при шевелении ими у меня было ощущение, будто в каждом сапоге у меня лежит кусок мыла. Гадко, конечно, но негде было вымыть ноги и сменить носки. Я был в резиновых сапогах «бродняхъ», и за те несколько суток, что я не разувался, ноги сварились, задохнулись в резине, а о том, чтобы переобуться при людях, не могло быть и речи, мне их было жалко, а за себя стыдно.

Взяв из рюкзака старую рубаху, тёплые чистые носки и разбитые, растоптанные кроссовки, я пошёл искать место, где можно без опаски за кого-то, кто без противогаза,

спокойно переобуться. Обойдя избушку аэропорта вокруг и не найдя ничего подходящего, чтоб присесть, я вернулся к своему пеньку. Снимаю сапоги, мокрые пропотевшие носки, запаха не чувствую, но вижу белую, сморщенную кожу ступней и плесень между пальцами ног, противно, блин, до омерзения. Иду босиком по свежему снегу, по жёлтым проплешинам травы, чувствую не холод, а жар, который, разгоняя кровь, идёт по ногам к телу. Хорошо-то как стало!

За углом строения я раньше видел обрезанную на половину железную бочку, полную дождевой воды, и сейчас же направляюсь к ней, кричу: «Иииия!» и пяткой пробиваю молодой ледок, потом, стоя то на одной ноге, то на другой, с наслаждением смываю слизь и вонь, в крошеве из снега и льда, вода, кажется, там тоже была. После этой гигиенической процедуры я ожил и от неимоверного облегчения чуть не воспарил аки херувим.

Растираю ступни до красна разорванной пополам вельветовой рубашкой, одеваю чистые, тёплые, сухие носки и хвалю себя за то, что не выбросил ещё раньше старые кроссовки. Много ли нужно человеку для счастья? Не знаю, но в тот момент я был почти счастлив, и все мои неудачи и переживания отошли куда-то на второй план. В ту ночь, несмотря на то, что снизу тянуло холодом, а сверху обдавало жаром от раскаленной печи, я спал спокойно.

Прибытие «Лайнера». Уррра!

Мы уже потеряли не только счёт дням и ночам, но и надежду вырваться с этой забытой богом и авиацией глуши, когда из-за леса неожиданно вывалился и шлёпнулся на полосу для «камикадзе», долгожданный самолётик.

Нас было многовато для этого «лайнера», но командир, глянув на наши мрачные физии, молча махнул рукой и дал газу до отказу. Наверное, уже на последней кочке самолётик в отчаянии подпрыгнул и натужно ревя мотором, и едва не задевая «ногами» верхушки сосен, взмыл в осеннее небо. Летим.

Летели около двух часов, проваливаясь в воздушные ямы, борясь со встречным ветром и турбулентностью. Аэроплан нещадно кидало из стороны в сторону, и временами казалось, что этот планёр с мотором и обтянутыми перкалью крыльями развалится на все составные части, а мы горохом посыплемся в объятия матушки-земли. Наши опасения и страхи были напрасны: этот доблестный, небесный тихоход всё выдержал и, сделав при посадке приличного козла, побежал по полосе, с облегчением чихая выхлопом. Сей славный град, где мы приземлились, были Магдагачи, здесь был железнодорожный вокзал и цивилизация.

Мои новые знакомцы и коллеги сразу ломанулись к вокзалу, а мне ещё предстояло решить, куда податься. Зима бы-

ла уже не где-то за горами, она уже вступила в свои права, сезонные работы закончились, а значит, мне нужна какая-то очередная «стройка века», всегда нуждающаяся в тех, кому некуда податься, в дураках, романтиках и энтузиастах типа меня. У меня все эти качества присутствовали с избытком. А чем плох БАМ?

Этот уже пройденный маршрут? Я ведь уже нахожусь на нём, он проходит через эту станцию, а значит – в путь, на Большой Невер, давно знакомую «Сковородку» (Сковородино), Тынду, Беркакит. Может, на новом месте мне улыбнётся удача, и в который раз я говорю себе слова из сказки-анекдота: «Вперёд, Руслан, пока Людмила спит». Неплохо звучат и слова песни из кинофильма «Три мушкетёра»: «…Неужто, вам покой не по карману? Мне, нет! А вам, канальи?»

Повесть о Левке.
Лёвка верит в любовь и удачу
Множество историй,
и все из жизни!

Я расскажу о моём друге Лёвке. Наши северные дороги и судьбы во многом схожи, и я хотел бы, чтобы вы его приняли, поняли и полюбили, так же, как и я. Наша с ним жизнь – это фарс и трагедия, любовь и разочарование, простая и иной раз жестокая проза жизни и совсем немного секса и лирики. Получается, что всё, как у всех, всё заурядно и буднично. А, может быть, и нет?

С Лёвкой, мы познакомились в 1973 году в аэропорту Якутска и с тех пор наши путики (охотничья тропа) то сбегались, то разбегались, будто наши внутренние компасы сошли с ума и вместо того, чтобы показывать нам верный курс, вертели стрелками, словно псы носами, вдруг потерявшие след. Не раз случалось, что когда стрелка его «компаса» запоздало указывала точное место моего обитания, меня там уже не было. Или я, получив от него некий мысленный призыв, бросив всё, летел в какой-нибудь северный «Мухоморск», типа Чурапчи, но заставал там лишь добрую о нём память якутских девушек и разбитые носы местных ухорезов. Зна-

чит, эвакуация бренного тела моего одинокого другана происходила в экстренном порядке, и больше походила на эвакуацию. Иногда, зайдя в хижину, где проживал Боня, в поисках брошенных в пылу отступления его вещей, я, кроме рваных мокасин и вонючих, стоящих в углу носков, ничего не обнаружил. Победители-аборигены конфисковали всё Бонино, честно нажитое, барахло в качестве боевых трофеев, так я думаю. Бог им судья и прокурор. Но иной раз нам приходилось обоим отступать планомерно, но спиной к спине, зная, что своевременное отступление – это тоже своего рода победа, но это так, к слову.

В тот злополучный день, не застав друга (зато знаю, что живой) в избе местного аэропортика, я угощал местных бичей и тунеядцев хорошей водкой и толкал тосты за моего другана и хорошего парня Боню. Крепко побитые, но шибко злопамятные якуты пили за здоровье своего врага вместе со мной, и желали ему крепкого здоровья. Посчитав свою дипломатическую и спасательную миссию выполненной, я поднял паруса и первым бортом вылетел туда, куда велело моё сердце, я полетел за ним, точно зная, что сейчас он в ресторане порта Якутска уже дует пиво.

История появления имени Бонифаций такова. Я ничуть не удивился этому, потому что Вован другой раз ради хохмы представлялся просто Боня, вот так же простенько и без затей его и перекрестили в Боню. Он и был похож на льва: сильный, ловкий, с гривой светлых с рыжинкой волос и за-

чатками такой же бороды, ещё он был велик ростом, обладал царственной ленью и неожиданно резкостью и молниеносной реакцией. Всё одно к одному: и лев, мощь и лень.

Все добрые и не очень мысли, посещали его буйную головушку именно во время кайфа, после принятия энной дозы спиртного, его, всё ещё молодым и здоровым организмом. Боня, как и я же, был уже не «Чечако», начинающий свой северный марафон в поисках мифического Эльдорадо или по крайней мере своего маленького «Клондайка» В этом безнадёжно авантюрном деле мы с ним шли, как говорят, на лошадиных бегах – ноздря в ноздрю, только вот в наших напрасных устремлениях финиша как такового не было ни для меня, ни для него, ведь мы рвались к цели разными дорогами, и у каждого из нас была мечта – первым найти шикарное «нечто» и пригласить друга.

Мой друг, романтик и мечтатель

Время шло, мы всё больше узнавали жизнь, мы уже давно испытали крепость мужской дружбы и горечь предательства, любовь и коварство женщин, этим мы переболели, как дети скарлатиной, тяжело, но не опасно. Жить вот так, безо всяких стрессов и душевных болячек, Бонифацию давно стало пресно и неинтересно, оттого, наверное, в самой глубине его львиной души сначала появился маленький зародыш любви к незнакомой, прекрасной женщине, а потом родилась и сама сладкая мечта, ставшая уже опасно навязчивой.

Ему уже не нужна была водка, он ловил кайф, часами валяясь на своём лежбище, уставясь глазами в потолок и мечтая о той, которая станет с ним одним целым. Он ещё не знал, какая она будет, но уже любил её до боли в сердце, любил её всю: от кончиков розовых ноготков, до нежных ушных мочек. Он покрывал её тело поцелуями, не зная, где остановится, но больше всего его почему-то привлекала грудь и всё то, что было ниже. Он отчётливо, как на яву видел всё и осязал, только вот её лицо расплывалось словно в воде, поддёрнутой рябью. Ещё в своих любовных грёзах Боня видел, как, почти не касаясь земли ногами, он на вытянутых руках, будто боясь прижать к груди хрупкую, дорогую ношу, несёт ту воздушно-невесомую женскую плоть, такую желанную и родную, как облачко, готовое вот-вот растаять в небесной сине-

ве.

Это уже было на грани паранойи и становилось опасным, он был как художник, умерший от любви к созданому им образу. Но в нашем случае всё кончилось хорошо, тащась и млея от своих грешных мыслей, он почти воспарил над своим, продавленным не одним поколением трудяг, тунеядцев и алкашей, диваном, но вовремя шмякнулся о палубу гостиничного номера. Посмотрев на свои, всё ещё вытянутые руки, он пару раз хлопнул в ладоши, глаза его прояснились, и он захохотал. «Болезнь» прошла, а своё выздоровление Боня отметил хорошей пьянкой, поставив при этом сам себе диагноз: «Нельзя любить ни красавицу, ни тем более уродку на сухую, может и шкуры как в пургу с яранги сорвать, а тогда точняк, пиши-пропало».

Откуда я всё это знаю? В некоторых случаях я был рядом с ним, а о других его душевных страданиях я узнавал из его пьяных исповедей, заблудшего и чуть не погрязшего в смертном грехе Бонифация, с обязательным правом нарушения исповеди когда-нибудь, кому-нибудь об этом рассказать, что я и делаю. Это же я буду делать и в дальнейшем, потому что это лишь начало его, как он считает, грешной исповеди.

Грусть об уходящей молодости

Уже не один год заматеревший, огрубевший, но остававшийся таким же романтиком и мечтателем, Боня покоряет северные просторы, а поскольку материальный стимул, как основной двигатель прогрессивного и скорого освоения северов, никто не отменял, все мы поневоле становились Бонями, то есть двигали всё дальше и дальше, туда, где трудный северный «рупь» становился длиннее, чем в иных местах. Нам не нужно было «втирать» про планы КПСС (это были не наши планы) про патриотизм и пресловутое светлое будущее, мы просто работали и надеялись на своё, придуманное нами Эльдорадо. Рубль рублём, но больше всего мы были застенчивыми романтиками, нет ни комнатно-диванными, просто нам было как-то неловко призваться что заработок для нас не самое главное в жизни, а вот палатки, тайга, аэропорты, самолёты-вертолёты, костры и непомерно тяжёлый труд, вот главные составляющие нашего понятия о романтике.

Мы в который раз начинали с первых палаточных колышков, а уезжали, когда вырастал город, когда мы вдруг узнавали, что живём и трудимся в этом городе «Н», тогда нам становилось скучно и неуютно в толпах работяг в новеньких, чистых робах и касках. И даже вместо столь заслуженного родного ватника они теперь были одеты в фирменные куртки

с лозунгами, подобными товарным биркам, но во всю спину, не хватало ещё ценников. Мы поняли, что всё прошляпили, что пришло другое время, другие люди, а мы уже не столь молоды, чтоб шагать с ними в ногу.

И вот мы опять вместе, на столе перед нами хорошая закусь, приличная выпивка, но Боня молчит, молчу и я, сидят два, не очень свежих, в смысле годков, мужика как на поминках, и судя по нашим рожам, так оно и есть. Но что мы хороним, что с нами случилось, друг мой Боня? В своих поисках и скитаниях ты даже забыл, что от рождения тебя нарекли Львом, мы забыли, что один по жизни стал Бонифацием, другой – Балтикой или просто «море». Может, нам грустно оттого, что годы текут как вода, а у нас с тобой по-прежнему: «Что искал – не нашёл, что имел – потерял?»

Стол накрыт, в стаканах стынет водка, грустный Лёвка смотрит на голубой дымок сигареты и молчит, погружённый в какие-то свои думы, я, глядя на него, тоже уплываю мыслями в то, уже далёкое прошлое, что было нашим настоящим, нашей молодостью. В прошлом остались прииски «Джугджура», бурные воды Аллах-Юня и Алдана с якутской тайгой, Магадан с приисками Усть-Среднекана и Колымской ГЭС, Синегорье с Колымой, озером Джека Лондона и ручьём «Танцующих хайрюзов». Остался в воспоминаниях и остров Недоразумения в Охотском море с тысячами бочек селёдки и нерестовым ходом лосося, когда красную икру мы ели большими ложками и из больших тазиков.

Позади большие аэропорты Братска, Иркутска, Якутска и Магадана, маленькие порты северных посёлков и Амурского края. Мы валили лес и добывали золото. Во многих разведочных экспедициях искали нефть и газ, и сейчас всё это тоже позади. По гонору своему и дури великой мы тонули в ледяных водах Охотского моря и северных рек. Мы чудили, как могли, но у каждого из нас был свой ангел-хранитель, а сколько таких придурков сгинуло, переоценив свои силёнки и не дождавшись помощи от хранителя, который в это время где-то шлялся. Мы попадали в таёжные пожары и гробились на вертолётах и, кажется, что вся наша прошлая жизнь состояла из переездов, перелётов, общаг, гостиниц, драк, арестов и тяжёлой, на износ работы.

Все эти воспоминания роились в моей голове, пока мой друган думал о чём-то, о своём, и, судя по выражению его лица, это были тоже не самые лучшие воспоминания. Мы, прокручивая плёнку жизни в обратную сторону, будто исповедовались каждый перед своим наставником. Шёл обратный отсчёт времени и поступков. Мы с Боней не были праведниками, но зла никому и никогда не причиняли, а наши грешки не были грехами. Я стал думать о том, что всё это уже позади, всё стало прошлым, ведь прошло почти двадцать лет. Наши пути-дороги сходились и расходились, пока судьба опять, возможно, в последний раз свела нас вместе, а то всё, что происходило с нами раньше, казалось дурным сном.

Мы слишком долго бежали, не зная, куда и зачем, но вот

остановились и растерялись. Нам было странно, что не нужно никуда ехать, лететь, не нужно чего-то опасаться, бояться, драться, отстаивая среди пьяного, опустившегося всякого сброда, быдла и уголовников, право на спокойную жизнь. Мы вдруг стали как все люди, и это было непривычно и странно, мы просто жили.

Пока мой Лёва-Боня весь погружён в воспоминания, я, не желая его тревожить, продолжу рассказ о том, о чём он, возможно, сейчас думает. После многих лет бурной жизни он не оставил своей мечты о нежной, любимой, роднее родной, женщине. Наоборот, сейчас эта мечта ещё больше созрела, укрепилась и стала обретать реальные черты, хотя из неимоверного количества претенденток на его сердце и кошелёк он так никого и не выбрал. Возможно, из-за того, что он всё ещё любил выдуманный им образ и всех невест отбраковывал как несоответствующих его чаяниям?

При встречах мы никогда не шли в кабак обмывать столь знаменательное событие, как обретение друг друга, а всегда находили тихое, располагающее к долгой беседе, место. Сентиментальный Боня любил излить душу, поплакаться в мою дружескую жилетку, ведь у него на всём том северном пространстве не было более человека, так умеющего слушать, внимать и понимать его «тонкую чувственную натуру», да ещё при этом молчать, изображая полное понимание момента и всех его душевных страданий и переживаний. Он исполнял трагический монолог, и как любому, даже бездарно-

му артисту, ему был нужен зритель и слушатель, и это был всегда один и тот же статист, зритель и театрал, это был я. В то же время я являлся и участником этого представления-исповеди; я должен был сидеть, согласно или с сомнением, но чаще с сочувствием, кивать головой и вовремя наполнять наши чаши, дабы не иссяк поток красноречия у одного визави, и не уснул внимая другу, другой.

Я слушал Боню и понимал, как никто другой, потому что его жизнь была частью моей жизни, и мы были не просто друзьями, мы были Сиамскими, духовными близнецами. Мы могли разговаривать молча и чувствовать друг друга на расстоянии, я чувствовал, когда ему было плохо, или совсем наоборот, а в иной день я вдруг отпрашивался с работы, говоря бугру, что мне необходимо встретить друга, и он не удивлялся, оказавшись в моих объятиях у трапа самолета. Это была мистика, но мы над этим голову не ломали и ненужными мыслями лишний раз не заморачивались и проблемы из этого не делали, мы просто знали, что так должно и быть.

Я служил в ВМФ на Балтике, и, наверное, поэтому он звал меня «Балтикой» или просто «море», а я его – Боней или Бонифацием. Мы сидим за накрытым столом, потихоньку бухаем, молчим, думу думаем каждый о своём, это пока мы ещё трезвые. Но уже после второго гранёного «стограммчика» Боня вдруг залыбился, а после третьего заговорил, чего я давно и ожидал:

Неудавшийся «наёмник»

«Ты знаешь, Балтика, как я с одним чуваком во Вьетнам вербовались? – Был я как-то в командировке, в Амурском Большом Невере, мы отгружали свои грузы для БАМа, я знал, что ты в то же время был рядом, в Сковородино. Помнишь, какая стояла жара, а в пекле, наверное, прохладней в то лето было, но самое паршивое то, что в лавке, кроме горячего спирта, ни черта не было. Ты, Балтика, любишь чистейший горячий спирт? Ты как-то говорил, что его на флоте зовут «шило»?

Как это точно подмечено, после глотка «шила» в горле ощущение, будто в натуре шило проглотил, да ещё и раскаленное. Главное, заглотишь это ракетное топливо и долго боишься закурить, чувствуя, как из тебя прут раскаленные спиртовые пары, думаешь: чиркну спичкой и амба, рванёт так, что и пуговиц от кальсон потом не найдут.

Но дело вовсе не в жаре или «шиле». Надоело, обрыдло нам всё до чёртиков: и работа, и пьянка, и Джульетты местного разлива, скука, сплошной стресс и мерзость во всей нашей жизни, а душа требует перемен, она просто вопит: сделай же что-нибудь, ведь ты не раб, не робот, не зомби, а человек.

Ну так вот, сидим как-то, снимаем стресс исконно русским, испытанным веками, народным способом, а тут по ра-

дио, «Маяку», вещают на весь мир, как народно-освободительная армия Вьетнама ведёт ожесточенные бои с американосами в суровых зимних условиях плюс 18 градусов (ого стужа-то какая!). Тут-то мы и решаем срочно лететь к узкоглазым «братьям» охладиться, а за одно и подмогнуть им чем сможем, а то эти янки совсем оборзели.

Тяпнули это мы с одним, таким же бедовым авантюристом на посошок да и подались к военкомату проситься на войну. Военком выслушал нас, похихикивая, будто мы ему анекдот про чукчу травили, потом расхохотался до коликов в боку и, вдруг побагровев, заорал своим командирским голосом, больше похожим на визг: «Первый раз вижу придурков, которым жизнь надоела, сопляки, вы хоть понимаете, куда проситесь? Значит, говорите, что вам захотелось чего-нибудь новенького, остренького? У вас и так, кажется, в задницах по шилу сидит, так вам что нужно, чтоб эти жопы вам вообще поотрывало вместе с головами беспутными?

Много он ещё разного говорил, да устал видно и уже спокойно, и без психа стал выпроваживать нас и напутствовать: «Валите, ребятки, на свой БАМ, а будет воинская нужда, найдём вас, с постелей подымем и отправим куда нужно». Педагог из военкома, конечно, хреновый, потому что он опять вдруг рассвирепел пуще прежнего: «Наёмники, мать вашу за ногу, цирк тут устроили, пойдите да нажритесь до поросячьего визга, коль вам боле делать нечего, совсем расстроили человека, воон отсюда!»

На этот раз ослушаться военкома мы не посмели, а потому сразу ломанулись в сторону лавки, где, как оказалось, как раз выгружали прохладную свеженькую водку «Экстру». Употребили мы, как и было приказано, сверх всякой меры, помню только, что грозились американосам, как братьев любили вьетнамцев и шибко уважали друг друга, будто только что вернулись с той войны в джунглях. На следующий день наше душевное спокойствие восстановилось, и всё вернулось на круги своя. Вот такая, Балтика, небольшая история с нами приключилась. Наливай тёзка по новой, да поболе, ведь следующий рассказ будет самый главный и долгий и назови его: «КАНИКУЛЫ БОНИФАЦИЯ».

Отпускная исповедь Бонифация. Часть 2

– Я ведь знаю, Балтика, что ты косишь под Нестора-летописца, и где-то у тебя всё фиксируется, только не ври только, не искажай истину, история вещь тонкая, и в будущем, «море», тебе всё зачтётся.

– Друг мой Боня, ты кем себя возомнил? Ты что, император Византии? Ты раб обстоятельств, не более, и твоя никчемная и пустая жизнь, как и моя, достойна лишь порицания и забвения со стороны именитых граждан и общества. Нишкни и бухай молча, не то замалюю всё, что писал ранне. Усёк, брат мой лихой?

Боня обижено сопит и долго молчит, потом, будто и не было обиды и минут молчания, продолжает как ни в чём ни бывало: «Ты, «Балтика», знаешь, что баб у меня было, как сухарей в котомке нищего странника, да всё не то, мягких и вкусных не было, один сушняк и та чернуха. Я три года не был в отпусках, вот и надумал как-то слетать к морю Чёрному, поглазеть на девок тамошних, да себя неухоженного да беспризорного показать, проверить, такое ли оно море чёрное, как люди бают, и не врут ли эти люди бывалые?

Вот тут-то тут я очень к стати и вспомнил о давнем приглашении моих друзей-греков, погостить у их родителей

в Гагре, на реке Бзыбь с беловатой, меловой водой и обитающей там форелью. Не знаю, за каким чёртом покинув Гагру, они живут на Севере в паршивом бараке, но факт остаётся фактом. У меня хватило такта не спрашивать их об этом, а у них не возникало желания доложить мне об этом, но узнав их поближе, я понял, что им, как и любой молодой семье, нужна была самостоятельность, тем более, что родители Лены были против этого брака. Лёшка и Лена были прекрасными людьми, а их сынишка Костик, или просто Коська, изумительный человечек и мой лучший друг, и даже то, что он звал меня просто «Бонька», мне очень нравилось.

Может быть, я слишком самокритичен, но зная себя не с лучшей стороны, я остерегался заводить знакомства и, тем более дружбу с женатиками, с ними же я и сам не заметил, как стал другом семьи и готов был за них и жизнь отдать. И точно знаю, что приглашение погостить у Лениных родителей было не данью пустой вежливости, а самым искренним, ведь я их любил так же искренне, как они мне верили.

Сходив в гости к моим друзьям, поговорив с ними, посоветовавшись, получив инструкции и наказы, в общем, всю «дорожную карту» вплоть до обратного прилёта и отчёта перед Еленой прекрасной о поездке и отдыхе. Мы с Лёхой сильно сомневались в точности исполнения мною арии о строевом уставе отпускника в исполнении Лены, но один согласно, а другой с сомнением кивали головами.

Но вот заявление на почти полугодовое безделье подписа-

но и одобрено, уже на следующий день мне вручили несколько увесистых пачек ассигнаций разного достоинства, пожали мою жилистую трудовую руку и закрыли за мной дверь конторы. Всё, я свободный человек, с правами, но без обязанностей и позади у меня ещё три так беспонтово прожитых года, а это уже не кусочек, а целый кус, с кровью выдранный из моей жизни. За все эти годы, Балтика, я стал старше, но не мудрее, выходит, что жизнь меня почти ничему не научила, если с молоду мозгов не было, то откуда им было взяться в старости? Наверное, по этой причине я, получив отпускное бабло, первым долгом затеял пир на весь мир и назвал это просто – проводы чувака в отпуск.

Провожал я себя, любимого, и куролесил где-то с неделю, это было ощущение полной свободы, доселе не испытанная эйфория и полный физический и душевный комфорт. О, сладость безделья после многих лет физического и морального напряжения! По началу мои знакомые, друзья и коллеги шибко обрадовались дармовой выпивке, за столом они говорили много хороших напутственных слов, желали доброго пути, просили привезти из отпуска каких-то шмоток и сувениров. Грозились по первому требованию выслать денег столько, сколько пожелаешь, так у нас было принято – отпускников выручать, ведь каждый из нас мог оказаться в отпуске в какой-нибудь форс мажорной ситуации.

Всё это время я был такой богатый, добрый и щедрый, что никому не мог ни в чём отказать, и даже божился, что всё

просимое добуду, всё исполню, даже если для этого придётся нанимать самолёт. Но кутёж продолжался, а мои собутыльники вдруг стали меня всячески избегать, ведь им нужно было работать, а я, оборзев, уже и по ночам стал шарахаться по общаге, всех тревожить и уговаривать их выпить со мной.

Меня по ночам стали посещать какие-то существа, не страшные, но довольно надоедливые. Я сознавал, что дело моё хреновое, но остановиться не мог, такое со мной было в первые. Видя такое дело, мои товарищи не стали зря терять время, и в один, совсем не прекрасный, день подогнали к крыльцу общаги какой-то броневик, сказав при этом, что это чудо техники «Луаз» – самая мощная и комфортабельная техника в этих краях, в чём я, конечно, сильно засомневался. Когда я несмело выразил свои пьяные сомнения, они все враз залыбились, кто-то захохотал, а кто-то и подленько, как мне показалось, ухмылялся, мол, по «монарху» и карета. Меня с почётом и початой бутылкой в руке усадили на переднее сиденье, и наш «танк» рванул сквозь тайгу в сторону аэропорта.

Несмотря на ухабы и тряску, я задремал, а очнулся уже на взлётке, перед трапом Як-40, где, взяв под белы рученьки, мои кенты выковыряли меня из «Луаза» и перекинули в фюзеляж аэроплана, сразу намертво привязав к креслу. Меня, мою сумку с деньгами, документами и барахлишком, доверили стюардессе, предварительно подарив громадную коробку «Трюфелей», после чего мгновенно испарились, оста-

вив меня одного осмысливать своё дальнейшее поведение и планы.

В ожидании взлёта я немного похамил бортпроводнице, но потом, осознав, что не прав и исправившись, закидал её комплиментами, от которых она порозовела и сомлела, позволив погладить себя гораздо выше короткого платьица. Очень жаль, что по многим причинам наше дальнейшее знакомство прекратилось. Тут экипаж пошёл в кабину, а один из пилотов, вдруг хлопнув меня по плечу, сказал прямо в ухо: «Не ссы, Боня, долетим! Ну что, вперёд?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.